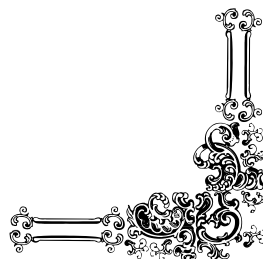
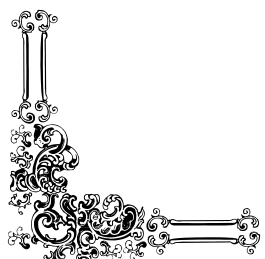

**РАЗДЕЛ ПЕРВЫЙ.
КОНЦЕПЦИЯ
СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО
ЛИТЕРАТУРНОГО ПРОЦЕССА**

МАНИФЕСТ НОВОГО РУССКОГО КРИТИЧЕСКОГО РЕАЛИЗМА

(проект для обсуждения)

Пreamбула. Проект настоящего манифеста имеет целью и вос-
последующими из нее задачами сформулировать сущность нового
критического реализма как основного действенного творческого ме-
тода, соотнесенного с современным литературным процессом в
творчестве писателей, следующих базовым традициям великой рус-
ской и советской литературы XIX—XX веков.

◆ Критический реализм является доминирующим творческим
методом в мировой литературе и искусстве, начиная с их оформле-
ния в виды творческого самовыражения в античные времена в
странах Средиземноморья. Данное определение не исключает ана-
логичные процессы в Древней Индии, в Древнем Китае, в иных
(локальных) центрах цивилизации — принцип полицентричности,
свидетельствующий об онтологической априорности доминирования
критического реализма в мировой литературе.

◆ Онтологическая априорность метода критического реализма
вытекает однозначно и логически непротиворечиво из базовых за-
конов диалектики Гегеля: единства и борьбы противоположностей,
отрицания отрицания и перехода количества в качество.

◆ Онтологическая сущность метода критического реализма
заключается в социобиологически обусловленном устремлении чело-
века разумного — человека общественного (*homo sapiens — homo
publicus*) к социально ориентированному сообществу любой формы:
от семьи («ячейки общества») до государства, а в реальной пер-
спективе — глобализованного мира.

◆ Данное устремление является *идеалом*, то есть недостижимой
целью, как, например, идеальное государство Платона, утопии Мо-
ра, Кампанеллы, Кабэ и пр.; это означает, что сам процесс назван-
ного устремления является перманентным, не имеющим остановки —
естественного или директивного — до того времени, пока творче-
ское самовыражение будет востребовано человечеством. При этом
следует учитывать, что в будущем формы такого самовыражения
могут значительно отличаться от современных, традиционных.

◆ Из всех видов непатологического и/или предельно неформализованного («Всякая идея, доведенная до совершенства, есть абсурд». — Б. Шоу) творческого самовыражения именно литературное творчество, в силу своей специфики воздействия на сознание и подсознание человека, является наиболее адекватным цели и задачам феномена критического реализма.

◆ Творческий метод критического реализма в русской литературе является исторически и в современной действительности составной частью мирового, прежде всего европейского, опыта данного феномена, в то же время обладая своей, только ему присущей спецификой.

◆ Спецификой русского критического реализма, обусловленной относительной молодостью отечественной литературы, общинной традицией мироустройства русской жизни, врожденной — генотипически — идеологией византийского православия, дополненного опытом социально ориентированного государства СССР, является абсолютное неприятие частнособственности, стяжательства и накопительства, примат коллективизма, вера народа в верховную власть при полярном же неверии власти исполнительной. Это выражено в формуле русского фольклора: «Царь-батюшка дал народу жалованную грамоту, но бояре ее украли и спрятали».

◆ Метод критического реализма, как в русской, так и в общемировой литературе, по своему определению и самоназванию (терминологии) предполагает *конструктивную* лево- или праворадикальную оппозицию явлениям (институтам), составляющим объект художественной критики: государственная власть, исполнительная власть, тенденции общемирового характера, церковь как учреждение, негативные общественные тенденции, антисоциальные проявления, факторы, тормозящие развитие социально ориентированного общества (государства) и так далее. Писатель, по определению, всегда находится в оппозиции к власти.

◆ Для русского литературного критического реализма такими, основными объектами являлись и являются: в последней трети XVIII — первой половине XIX века. суть институт крепостничества, образованщина (выражаясь словами классика русской литературы), слабость госвласти, которую можно охарактеризовать как

устойчивое неравновесие, либо неравновесную устойчивость (термин теоретической биологии); во второй половине XIX — начале XX веков — это самодержавие и огосударствленная церковь — с одной стороны; нигилизм (критики — Писемский, Достоевский, Лесков) — с другой. Причем критику этих объектов неправомерно рассматривать как полярную, взаимоисключающую; в итоге-то объектом *ob ovo* у тех и у других оказывался народившийся капитализм, в спешке своего явления в России перескочивший через положенные стадии переходного периода от «задержавшегося» в России феодализма.

◆ В силу указанной выше специфики русского критического реализма конкретным объектом критики нарождающегося капитализма в последней трети XIX века и перехода его в стадию империализма в начале XX века явилось триединство неприемлемых для творчества русских писателей факторов: разрушение патриархальной крестьянской общины, пауперизм городского населения и невиданное ранее в истории России возобладание частнособственнического, накопительского инстинкта. Знаковым произведением явился «Челкаш» Горького.

◆ В период советской государственной оформленности России (1917—1991 гг.), учитывая социальную ориентированность СССР, объектом конструктивного критического реализма до середины 60-х гг. являлись негативные явления, препятствующие построению и функционированию социального государства. Знаковыми, величайшими произведениями здесь являются «Тихий Дон» и «Поднятая целина» (до сих пор недооцененная...) М. А. Шолохова, произведения Андрея Платонова (при всей их аллегоричности), поэзия Маяковского, проза и поэзия писателей-фронтовиков.

◆ В указанный выше период метод критического реализма оставался основным, действенным, но с изменением объектов критики. Инсинуации с перевоплощением критического реализма в «социалистический реализм» — девиз его: «борьба более лучшего с менее лучшим», — приписываемый то Горькому, то Гладкову, принадлежат Пролеткульту с его экстремизмом («сбросить Пушкина с корабля истории» и пр.), потому во внимание приниматься сейчас не должны.

◆ В советский период истории России с середины 60-х гг. и до окончания существования СССР, то есть время «шестидесятников», объекты критики перманентно перемещаются от объективных негативных явлений, препятствующих функционированию социального государства, к субъективным, обусловленным партократическим пере­рождением правящей верхушки СССР и административно-партийным слиянием в среднем звене управления, стагнацией многомиллионных партийных масс, уклоном в карьеризм и пр. Все это как следствие нарастающего с середины 50-х гг. дисбаланса между стремительной динамикой экономического развития («сталинский разбег») и отсутствием новой — взамен устаревшего марксизма-ленинизма — общественно-социальной и политэкономической теории, о чем в последние годы своей жизни предупреждал Иосиф Виссарионович. Таким образом, в 60—80-е гг. социализм с советским базисом выродился в социализм троцкистского толка: движение — все, цель — ничто. Хотя бы эта «цель» и декларировалась умозрительно: «Нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме».

◆ Выразителями и наиболее активными движителями этого варианта критического реализма явились в 60—80-е гг. писатели когорты «шестидесятников» (имен называть не будем); кто-то из них действовал художественно-интуитивно, но другие, не декларируя этого, понимали существо изменения объектов критики. Соответственно, в указанный период истории русской, советской литературы критический реализм размывался между конструктивной (Байкал, несостоявшийся поворот сибирских рек в Среднюю Азию и пр.) и глухо-оппозиционной доминантами.

◆ Параллельно развивавшаяся в 60—80-е гг. так называемая диссидентская русская, точнее — русскоязычная, антисоветская литература в СССР и за рубежом методологически не подпадала под действенность критического реализма, поскольку полностью лишена качества критического конструктивизма (см. выше) и преследовала иные, отличные от творческих, цели и задачи. Апофеозом здесь явились сочинения А. И. Солженицына. Впрочем, и в рамках этого течения были исключения, например, в творчестве «двойного диссидента» (в СССР и на Западе) А. А. Зиновьева, у которого превалировал критический реализм.

◆ В последние два десятилетия с момента разрушения (не распада! — это фактологически неверно) СССР в русской, российской литературе наблюдается «разноцветье» творческих методов, в том числе и *неконструктивного* критического реализма. Пояснять это не будем, учитывая, что все происходит на наших глазах.

◆ Отход современной русской литературы, равно как и почти всей мировой, от канонов классического критического реализма XIX и XX веков является симптомом естественной истощенности данного творческого метода в названных канонах.

◆ Истощенность на рубеже XX и XXI веков классического метода критического реализма обусловлена кардинальной сменой геополитических ориентиров в планетарном масштабе, а именно: эксперимент истории (имеется в виду целеуказание в эволюции человечества) с постепенным переходом к единому, социально ориентированному планетарному сообществу через социализацию (советского, шведского и пр. типов) отдельных государств и их групп-блоков завершился, показав тупиковость такого хода. Имеется в виду общеэволюционный принцип «отсечения тупиковых ходов».

◆ На нынешнем, активно и экспоненциально усиливающемся этапе изменения биогеохимической оболочки Земли, то есть переходе биосферы в ноосферу (по теории В. И. Вернадского), справедливым все же оказался тезис Маркса об одновременности перехода всего земного сообщества к единому, социально ориентированному, мировому государственному образованию через достаточно жесткий и жестокий процесс глобализации, у истоков которой мы сейчас находимся.

◆ Соответственно, объектом конструктивной критики нового литературного критического реализма являются процессы глобализации, включая национальную (государственную) их специфику. То же самое относится к новому русскому критическому реализму.

◆ Поскольку в эпоху глобализации отсутствует, по определению, «сравнительная база» национальных литератур, то объектом критики, в том числе конструктивной, становится не геополитика, социальные и экологические коллизии, но во главу угла ставится объект *расчеловеченья* человека ноосферного (*homo noospheres*).

◆ Сама методология нового критического реализма в указан-

ном аспекте зиждется на сохранении в реальном временном процессе формирования человека ноосферного средствами литературы — художественной и публицистической — тех черт человека личного, общественного и творческого, которые противостоят расчеловечению, то есть превращению человека в нивелированный винтик глобального механизма ноосферы Земли.

◆ Разумеется, процесс глобализации и перехода к ноосферному единому земному сообществу эволюционно предрешен и неостановим, расчеловеченье неотвратимо, но задача литературы и творчества в целом суть максимально длительно имманентными им средствами конструктивно противостоят этому процессу.

◆ В отличие от западно-восточной (это по И. Гёте) литературы, уже сейчас приобретающей характер «оазисной» и *business*-пиарной, то есть сдающей свои позиции перед натиском глобализма, у классической современной русской литературы, учитывая остающиеся значительными традиции великой литературы XIX и XX веков, имеется намного более прочный и долговременный «запас прочности» для реализации целей и задач настоящего Манифеста.

Резюме. Публикуя настоящий проект Манифеста, приглашаем от имени редколлегии журнала «Приокские зори» широкую литературную общественность страны, русскоязычных читателей и писателей ближнего и дальнего Зарубежья принять участие в его обсуждении, дополнении, критике и пр. для выработки окончательного варианта, который мог бы служить программным документом в рамках отечественного литературного процесса.

ИТОГИ ВСЕРОССИЙСКОЙ И МЕЖДУНАРОДНОЙ ДИСКУССИИ ПО ПРОЕКТУ «МАНИФЕСТА НОВОГО РУССКОГО КРИТИЧЕСКОГО РЕАЛИЗМА»*

Проект «Манифеста нового русского критического реализма» (далее «Манифест») был опубликован в № 1, 2011 «Приокских зорь», а также в № 17 (2011 г.) красноярского журнала «Истоки» и в альманахе «НЛО» (г. Новомосковск Тульской области). Учитывая, что журнал «Приокские зори» публикуется в электронной форме на сайте www.medtsu.tula.ru, содержание «Манифеста» было доведено до всех читающих по-русски. Приглашение к участию в дискуссии содержалось как в самом тексте документа, так и доводилось до сведения всех лиц и организаций, не чуждых дальнейшему поддержанию и развитию русского литературного процесса.

Поясним: понятие «русский» в названии «Манифеста» — это не этнический термин, но обозначение принадлежности авторов, читателей, общественных и иных организаций к великой русской литературе, ее продолжению в лучших произведениях русской, интернациональной советской литературы, современной русской, российской реалистической литературы.

Редколлегия нашего журнала, как организатор дискуссии, была

* См. также выше интервью с В. В. Жириновским, где затронуты некоторые положения «Манифеста нового русского критического реализма».

приятно удивлена активностью ее участников, неформальным, выверенным подходом к сущности положений «Манифеста». Это очень приятно и даже символично на общем фоне современного культурного угасания — не только в России, но и во всем так называемом «цивилизованном мире», — очень напоминающем вялотекущую морально-этическую и нравственно-культурную шизофрению... Другого слова не подыщешь, если под современной литературой понимать глянцево-журнальные, примитивнейшие детективы с женскими псевдонимами и коммерческие, запиаренные издания.

Вполне естественно, что наиболее активное участие приняли в дискуссии постоянные, новые и потенциальные авторы «Приокских зорь». Символично и симптоматично, что прислали свои отзывы, комментарии и предложения наши авторы и читатели из других стран: США, Великобритании, Германии. Это тем более ценно, что мы имеем «взгляд издалека». А со стороны и издалека — по аналогии со зрением — все видится укрупненно, в несколько ином ракурсе.

Правда, оказались и зарубежные респонденты, ответившие в том смысле, что этот «Манифест» не для них, поскольку они уже давно не живут в России (а ранее в СССР). Что здесь сказать... Даже — представим умозрительно — что вы проживаете, как полковник разведки генштаба Российской империи Миклухо-Маклай, на глухом берегу Папуа — Новой Гвинеи, либо же который сезон полярничаете в Антарктиде на станции «Скотт-Амундсен», но пишете по-русски, активно печтаетесь в российских литжурналах, получаете престижные российские литературные премии, в статуте которых значится «активное участие в современном русском литературном процессе», то почему же «Манифест» не для вас? Впрочем, свободу выбора и мнений никто директивно не отменял...

Далее. За исключением членов редколлегии, в дискуссии вовсе не приняли участие тульские литераторы, в том числе многочисленные авторы «Приокских зорь». Все в строгом соответствии с половицей: сапожник без сапог.

Понятно неучастие и руководителей, функционеров различных писательских союзов, творческих клубов, литературных объединений. — Им не до того, сохранить бы в полном безденежье и от-

сутствии госпризрения, хотя бы формально, свои организации. Редколлегия журнала прекрасно это понимает и не ропщет на невнимание к «Манифесту».

Не менее понятен и этакий снобизм кузницы писательских кадров — Литературного института им. А. М. Горького. Кстати, имеющего в «Приокских зорях» свою постоянную рубрику. Учившиеся в Литинституте на рубеже 70—80-х гг., когда в воздухе уже витал запах будущего либерализма, вспоминают, как молодые тогда их наставники, ассистенты и старшие преподаватели, на занятиях, заговорщицки приглушив голос, говорили о необходимости обновления и дополнения базовых положений соцреализма и реализма вообще.

...Прошли годы. Ассистенты и старшие преподаватели Литинститута стали докторами филологических наук, профессорами, заведующими кафедрами, проректорами... Надо полагать, что для себя они нашли эти приемы обновления и дополнения, но поделиться ими в рамках дискуссии не торопятся... Но выпускники Литинститута указанных городов благодарны им. Они, как и Герцен, памятник которому стоит во дворе Литинститута, зажгли в своих воспитанниках искру творчества... и методологии этого творчества.

Но вот непонятно упорное молчание наших авторов-сибиряков. Они не первый год имеют в «Приокских зорях» свою обширную рубрику. Они так стремятся печататься в изданиях Европейской России... и никакой реакции на «Манифест».

Но мы, как люди доброжелательные, и этому факту найдем объяснение. Как люди прямодушные и уважающие мнения корифеев русской литературы, они не менее прямо следуют завету гения нашей поэзии: «*Во глубине сибирских руд храните...*». И так далее.

На этом и закончим преамбулу и перейдем собственно к материалам дискуссии.

...Все же пришла и весточка из «сибирских руд», от **Сергея Прохорова**, главного редактора литературного журнала «Истоки», дружественного «Приокским зорям». Журнал этот уникален даже и потому, что издается в поселке Нижний Ингаш на самом востоке Красноярского края. Тем не менее известен и в России, и за ее пределами.

...А насчет обсуждения «Манифеста» даже не знаю. Умные мысли как-то не приходят. А, может, я просто слегка в стороне от реализма вообще, не говоря уже о критическом. Хотя где-то иногда и проскальзывает что-то в своем творчестве. Но это так мелко. Пример надо брать у литературных зубров. И если, по мнению А. М. Горького, последним критическим реалистом XIX века был А. П. Чехов, то по моему мнению, последним жестким реалистом второй половины минувшего и начала нынешнего веков был наш сибирский писатель Виктор Петрович Астафьев, волею судьбы он — мой крестный, при жизни благословивший меня на правдивое слово в творчестве. Я, конечно, понимаю суть и цель Манифеста критического реализма, может, как-то по-своему, как и каждый, прочитавший его (в зависимости от своего сегодняшнего взгляда на современную литературу), тоже понимает это по-своему. Единственное, с чем мы должны быть единомышленниками — литературное слово не должно исказить ни нравственность, ни сущность характера героя, ни тем более истории места, края, государства. И нести в себе положительные флюиды в строительстве нашего земного социального сосуществования. И в малом, и в глобальном масштабах. Вот куда меня понесло! Простите меня, но, сй-богу, не знаю, как организовать отклик на Манифест.

Сергей Тимофеевич пишет искренне, не завуалировано. Но он сосредоточился только на «жестком реализме», а это всего лишь только одна из многих ипостасей широко понимаемого критического реализма. Тем более нового.

Также дружественный «Приокским зорям» Творческий клуб «Московский Парнас» (основатель и руководитель ведущий современный русский критик Леонид Васильевич Ханбеков) не остался в стороне от обсуждения «Манифеста».

Обстоятельный отзыв написала **Ирина Кедрова**, профессор из Москвы, академик Академии российской литературы, лауреат литературных премий, писатель-прозаик, критик и публицист, заведующая отделами критики в журналах «Приокские зори» и «Московский Парнас»; член Союза писателей России.

Размышляя о Манифесте нового критического реализма

По привычке обращаться к значению слов, чтобы разобраться в сути сказанного, заглядываю в словарь.

Манифест — обращение общественной организации с изложением взглядов, программ и предложений.

Итак, общественная организация — Академия российской литературы — обращается к читателям с провозглашением идей, на которых объединяется большая группа современных писателей, стоящих на позиции главенства творческого метода, называемого критическим реализмом.

Известно, что этот метод, как и одноименное литературное направление, берет начало в России в XVIII веке, проявляясь значимыми элементами в творчестве А. Д. Кантемира, Д. И. Фонвизина, Г. Р. Державина и Н. И. Новикова. Однако силу он набирает в XIX веке, и, как отмечают историки литературы, проходит от этапа дворянского (К. Ф. Рылеев, А. С. Грибоедов, А. С. Пушкин, М. Ю. Лермонтов, Н. В. Гоголь) к буржуазно-демократическому (Н. А. Некрасов, М. Е. Салтыков-Щедрин, Ф. М. Достоевский, И. С. Тургенев, Н. Г. Чернышевский, Л. Н. Толстой, А. П. Чехов), а затем и к социалистическому, создателем которого явился А. М. Горький.

От перечисленных имен, начиная с А. Д. Кантемира и заканчивая А. М. Горьким, дух захватывает. Кто из современных писателей не хотел бы встать рядом с ними? Кто откажет им в умении проникнуть в глубину человеческого характера, неминуемо связанного с социальными обстоятельствами и с жизненными условиями, как на этапе формирования, так и затем — в проявлении? Разве не предназначена художественная литература для того, чтобы вскрывать типическое и высвечивать уникальное? Чтобы специфическими средствами, а именно: словом, словосочетанием, замыслом, сюжетом, фабулой, литературной формой правдиво отразить реальную действительность? Да разве не находим мы в произведениях, написанных методом критического реализма, отражение нынешней действительности?

Кто из вас, дорогие читатели, отринет современность

слов Д. И. Фонвизина, написанных им еще в 60-е годы XVIII столетия?

*...Попы стараются обманывать народ,
Слуги — дворецкого, дворецкие — господ,
Друг друга — господа, а знатные бояре
Нередко обмануть хотят и государя...
За деньги самого всевышнего творца
Готовы обмануть и пастырь, и овца!..*

По данным Счетной палаты РФ ежегодно уходит на сторону один триллион рублей из суммы, выделенной бюджетом страны на госзакупки. Куда эти деньги уходят? Председатель Счетной палаты С. В. Степашин заметил в декабре прошлого года: «Из 6 триллионов рублей, направляемых в год на госзакупки, около триллиона рублей оседает в карманах жуликов и проходимцев». Эти средства могли бы значительно улучшить социальную сферу, повысить пенсии, зарплаты учителям и врачам. «За деньги... готовы обмануть».

Вряд ли мы откажем Г. Р. Державину в остром и весьма современном взгляде, который, например, обнаружился в такой характеристике:

*«Осел останется ослом,
Хотя осыпь его звездами;
Где должно действовать умом,
Он только хлопает ушами...*

(«Вельможа», 1794)

К сожалению, и в наши дни «осел останется ослом...», какое бы значимое место в обществе он ни занимал.

Живая разговорная речь утверждалась в русской литературе XVIII века, хотя еще сильны были каноны риторического выражения мысли, однако введение разговорного русского языка явилось одним из проявлений реалистичного отображения жизни.

А в XIX веке реалистический стиль изложения характери-

зуются активным внедрением живого разговорного языка в текст, как в авторский, так и в речь персонажей произведений. И эта речь становится дополнительной характеристикой персонажа, доказательством его принадлежности конкретному социальному слою.

Вместе с тем происходил двусторонний процесс, в котором реальная жизнь проникала в произведение через разговорную речь, но и художественная литература влияла на речевое развитие общества. Создавались нормы языковой культуры, и в этом состояло величайшее значение литературного отображения жизни.

Вот и сейчас, не раз и не два мы, в минуту грустную, в обстоятельствах неясных или, наоборот, весьма прозрачных, вспоминаем строки А. С. Грибоедова:

«Блажен, кто верует, тепло ему на свете!»;
«Что за тузы в Москве живут и умирают!»;
«Служить бы рад, прислуживаться тошно»;
«Свежо предание, а верится с трудом»;
«Чины людьми даются,
А люди могут обмануться».

Современный литературный процесс идет разными путями. Некоторым не нравится выражение «литературный процесс». Но слово «процесс», означающее последовательную смену состояний, единство закономерно следующих друг за другом стадий развития, составляющих непрерывное движение, наилучшим образом отражает обсуждаемую нами тему.

В недрах классицистической литературы зародилось романтизированное отражение действительности, всегда возвышенное, находящееся в непрерывном поиске героя. Существует точка зрения, что романтизм и реализм — противоположны друг другу. Мы же убеждены в том, что романтизм нередко проникает в реалистический метод изображения действительности и делает это изображение ярче и привлекательнее.

Логичным развитием литературного процесса является

возникновение критического реализма, главная задача которого состоит в том, чтобы исследовать социальную действительность, общественные отношения и процессы развития личности в этой действительности и в характерных для общества отношениях.

Критический реализм отражает происходящие в обществе изменения, да и сам в них отражается. Активное участие в войне 1812 года народных масс, выдержавших на себе ее тяготы, спасших Россию от французских захватчиков, привело к новому взгляду на действительность. Усиливались свободолюбивые настроения, появилось неприятие крепостничества, развился интерес к простому человеку — не к великому государственному деятелю, не к бесстрашному герою, а к тому, кто тяжким трудом ежедневно создает «богатство» России, кто способен ее защитить в трудный час, кто чувствует, любит, страдает, и кто достоин изображения в литературном произведении.

Так, например, А. И. Полежаев создал в поэме «Сашка» образ свободолюбивого студента, у которого «свобода в мыслях и поступках». Характеру полежаевского героя свойственно:

*Не знать судьбою никого,
Ни подчиненности трусливой,
Ни лицемерия ханжей,
Но жажду вольности строптивой
И необузданность страстей» (1825).*

Поэма, проникнутая вольнолюбием, послужила причиной ареста А. И. Полежаева и отправки в военную службу.

Народ описан во многих произведениях послевоенного времени. Назовем произведения, известные со школьной скамьи: «Капитанская дочка» А. С. Пушкина, «Вечера на хуторе близ Диканьки» Н. В. Гоголя, «Сорока-воровка» А. И. Герцена, «Записки охотника» И. С. Тургенева и др.

Связь с народом, глубокое осмысление его роли и потенциала в общественном развитии, становится одной из ведущих черт критического реализма.

Критика существующего строя, государственной власти, несправедливости общественных порядков — эта нескончаемая тема литературно-художественного исследования оказалась необходимой в поиске путей развития России.

Эта тема возвела литераторов на новый этап критического реализма, связанный с развитием революционно-демократических идей. Произведения Н. А. Некрасова, М. Е. Салтыкова-Щедрина, Н. Г. Чернышевского вскрывали мощь и силу народных масс, способных взорвать социальный порядок. В творчестве Л. Н. Толстого, Ф. М. Достоевского, А. П. Чехова раскрывалась личность, способная мир перевернуть и себя преобразить.

Каждый из названных авторов делал это особым, ему присущим, способом. Так А. П. Чехов, придерживаясь метода критического реализма, внес в него авторское отношение, наполненное легкой усмешки и грустного юмора.

Когда же на политическую арену вступил пролетариат, не желавший жить в прежних порядках, критический реализм пережил новое состояние, которое назвали реализмом социалистическим.

Мы можем спорить о нужности, важности и сути социалистического реализма, можем его отрицать, но он существовал без нашего на то соизволения. Этот метод поставил на первое место человека рабочего труда, революционно добивавшегося своих прав, начавшего строительство государственного строя, который, по утверждению мыслителей прошлого, мог дать ему свободу и лидерство в общественном развитии. Критическое отношение к общественным отношениям, построенным на эксплуатации человека, усиливалось и становилось определяющим, хотя сама эта эксплуатация рассматривалась ограниченно, лишь в рамках отношений «хозяин собственности и работник, преумножающий эту собственность».

Что произошло? Стал ли рабочий хозяином слова, страны, вершителем судеб? Да и был ли у него потенциал для руководящей силы в созидании? Устранил ли он эксплуатацию человека человеком? Эти вопросы находятся вне нашего обсуждения.

А литература, отстаивавшая новые — социалистические — идеи, отразила свое время и вырастила своих авторов.

Итак, литературный процесс, непрерывно развиваясь, не только отражает реальную действительность, но и связан с условиями жизни общества.

Однако обратимся к современной литературе. Реалистична ли она?

Надо ли сегодня раскрывать роль народа, вскрывать недостатки существующего общества, проследить путь созидания в человеке личности, связанный с общественным развитием?

Для нас ответ на этот вопрос утвердителен. Впрочем, современный реализм, как и реализм прежних времен, не может быть представлен в «чистом» виде.

Раскрытие правды, овеянной критическим отношением, нередко переплетается с содержанием, в котором в реальных обстоятельствах действуют, на первый взгляд, нереальные силы. И можно говорить о литературе фантастической, сюрреалистической, психоаналитической, эзотерической и т.д., и т.п. Главное здесь заключается в том, что автор ищет свой путь, свою форму, свой метод литературного исследования действительности.

В большинстве своем он стремится к зарисовке той жизни, которую видит, и она ему представляется, нередко, более реалистично, чем тому, кто, выступая за новый критический реализм, и только за него, понимает в нем лишь строгое следование реальному событию и описание такое, чтоб «как в жизни».

Но будет ли такое описание литературой? Художественной? Или это будут дневниковые записи событий жизни конкретного человека, не всегда, кстати, самого автора?

Убеждена: критический реализм в новых условиях остается ведущим методом, который, безусловно, отражает действительность, вскрывает недостатки жизни общества, видит теснейшую связь между обществом, условиями жизни и личностным содержанием, опирается на народную силу. Без народности невозможно. Справедливо отмечал В. Г. Белинский в статье «Взгляд на русскую литературу 1846 года»: «...народ-

ность суть личность человечества. Без национальностей человечество было бы мертвым логическим абстрактом, словом без содержания, звуком без значения». И еще он там же подметил: «Великий человек всегда национален, как его народ, ибо он потому и велик, что представляет собой свой народ».

Опора на народность проявляется, прежде всего, в богатстве, сочности, точности родного языка, используемого авторами для выражения мысли, для описания событий и характеристики персонажей — от героя до легко зарисованного персонажа, который, казалось бы, незначителен, а на самом деле вносит нужный колорит в изложение событий, явлений.

Народность проявляется и в том, что в круг внимания писателя включена жизнь разных слоев населения — сельские и городские жители, из столицы и из глубинки, рабочие, крестьяне, интеллигенция, простые граждане, на которых держится Россия, и высокопоставленные лица. В каждой группе людей есть свои радости-горести, бедствия-удачи. Выявить типичное, уловить единичное, вскрыть общественные нарывы, показать возможные пути развития человечества — в этом назначение современного писателя, которому не обойтись без метода критического реализма.

Не менее важен и такой вопрос: имеет ли право писатель, проявляя свою самость, создавая свой, уникальный, стиль письма, выбирать темы, которые ему кажутся наиболее значимыми и интересными, и способы раскрытия этих тем? Пренебрегать ожиданиями, потребностями и интересами читателя? Отказывать читателю в его, особом, восприятии произведения? Навязывать ему как единственно верную свою точку зрения? Быть много впереди читательского запроса?

Думается, что ответ на эти вопросы не может быть однозначным, однако задавать их себе необходимо, хотя бы для того, чтобы те, ради кого создаются произведения, не оказались вне современной отечественной литературы.

Новый критический реализм — это новый этап развития метода, который зародился в России в XVIII веке, стал определяющим в XIX веке, несколько изменился в XX веке и с но-

вой силой, в современных условиях жизни, проявляется в современной литературе.

...Здесь и добавить нечего. Пишет профессионал: писатель и критик. За небольшими разночтениями Ирина Кедрова поддерживает основные положения проекта «Манифеста». Особенно ценны ее строки, посвященные сущности соцреализма, как неотъемлемой части, этапа развития русского критического реализма, причем его специфика созвучна имевшей быть место исторической эпохе в развитии СССР — России. Да и не только нашей страны.

Здесь надо различать идеологизированную прямолинейность соцреализма 20—30-х гг. с сохранившейся «пролеткультовской закваской» и соцреализма второй половины XX века. Если для первой характерен схематизм романов Федора Гладкова и Мариэтты Шагинян, то уже по-другому мы воспринимаем произведения второй ипостаси соцреализма. «Цемент» и «Гидроцентральный», нужные в свое время, достаточно скоро «сошли» со сцены читательского внимания, но «Журбины» Кочетова — это уже классический реалистический роман.

Конкретизирует некоторые положения «Манифеста» другой член Творческого клуба «Московский Парнас», также академик Академии российской литературы, лауреат всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова за 2011-й год, постоянный автор «Приокских зорь» **Наталья Квасникова** из Москвы; член Союза писателей России.

Критический реализм, в моем понимании, предполагает руководящую роль литературы в воспитании общества. Слово действительно воздействует на личность и социум иначе, нежели другие, наглядные виды искусства, следовательно, оно имеет особые права и обязанности. Считаю, что произведение любого литературного жанра и направления должно нести смысловую нагрузку, не разрушающую и не развращающую читательскую аудиторию. Именно данный пункт я предлагаю внести в формирование содержания Манифеста. Несколько ниже следующих умозаключений послужат, надеюсь, к пояснению этой формулировки.

Современная литературная атмосфера пронизана тлетвор-

ным одурманивающим туманом легковесного и лишенного всякого смысла чтения. Книжный рынок утопает в низкопробной детективщине, псевдолюбовной, а на деле развращающей бульварщине, агрессивно-бессмысленной мистике и т.п. Сегодняшняя поэзия представлена по большей части двумя категориями авторов: во-первых, теми, которые приобрели известность в нелитературной области, обладают определенной начитанностью и на этом основании считают необходимым публиковать свои сентиментальные стихи любительского уровня, поскольку наличие известного имени, а в некоторых случаях, вероятно, и денег открывает им двери в крупные издательства и магазины; во-вторых, люди, пишущие на жаргонно-идиоматическом наречии мрачные, человеконенавистнические по сути и настроению вирши, часто с натуралистическим пошлым окрасом — или откровенно бессмысленные во всех отношениях.

Вот примеры такого ультрасовременного стиля (Узлова О.):

И словно катая тяжелые шарики ртути,
Сливаю усталые буквы в пустые слова.
И держит кольцо, как живую деталь парашюта,
С трудом уцелевший желающий прыгнуть с ума.

Или еще образец (автор тот же):

Память тела. На кончиках пальцев гнездятся эмоции —
Вместе с ногтями остригла остатки прикосновений.
Небо как раз пеленало недоношенное солнце
После ежеутреннего кесарева сечения.

Будучи очень опытным читателем с огромным стажем, возлюбившим огромное разнообразие стилей и ритмов, в том числе современных, не могу воспринимать подобной литературной отпрыжки на публику — именно такое впечатление на меня производят данные творения.

Замечаю одну интересную закономерность: если излить все это на обычную зрительскую массу любителей поэзии, она ред-

ко вытерпит все эти нудные анатомические сравнения дольше десяти минут слушания. Не зря множество «толстых» литературных журналов, лет двадцать пять назад являвшихся законодателями литературной моды, сейчас залеживаются на складах чуть не целыми тиражами. Распространено мнение, будто поэзия в наше время малоинтересна читателю — мой собственный опыт показывает, что это не так. По-видимому, дело в навязываемом типе стихотворчества, который преподносится как «новое слово» в литературе, однако опыты подобного рода производились в разные периоды истории еще с догомеровских времен, большой всплеск поисковых работ на данной почве был на рубеже XIX—XX веков, но уцелели единицы, причем, заметьте,— максимально приближенные к традиционно возвышенному образцу. Язык нашей поэзии должен быть современным, несомненно, но не утробным словесным испражнением, что нам навязчиво преподносят как эталон.

В отношении прозы могу сказать о тенденции детектива к вырождению в детективообразную фантастику с элементами триллера. К примеру, одна из лучших, на мой взгляд, мастериц современности в данном жанре Александра Маринина после нескольких сильных работ («Стилист» и некоторые другие) съехала в несоответствующее жанру и портящее его фантазерство на тему антенн, вызывающих агрессию, облучений, формирующих человека с определенными интеллектуальными или рабочими качествами и т.п. Об эротическом вздорно-любовном романе говорить просто неинтересно — жвачка от скуки, не в обиду будь сказано читателю, утомленному трудностями переходного периода существования.

Вывод: учитывая приведенные примеры, считаю критический реализм, неуклонно сочетаемый в современной литературе с формирующим социально приемлемую и высокоорганизованную человеческую личность традиционализмом наиболее необходимым направлением развития.

В целом Наталья Валентиновна подчеркивает эстетическую, художественную ипостась расширенно понимаемого метода критического реализма. Особо удачны ее примеры в части поэзии. Дей-

ствительно, многие современные поэты — молодые и не очень* — из кожи вон лезут, якобы создавая новые стихи, формы и поэтические тропы. Наивные! Они явно не читали поэтов-модернистов рубежа XIX—XX вв., о которых выше говорит Наталья Валентиновна. Маяковский, Шершеневич, Кусиков, Андрей Белый, молодой Асеев, Давид Бурлюк и многие другие. — Какие (и сейчас не забытые) имена, какие таланты! При всем их гипермодернизме, который и не снился нынешним корешителям рифм, ритмов и понятийных образов. Но те-то имели огромный поэтический дар. Более того, все они, футуристы, имажинисты, кубисты, дадаисты и прочие «ничивоки» не просто писали с невыразимой ныне экспрессией:

*Соломону — первому имажинисту,
Одевшему любовь Песней Песней пестро
От меня, на паровозе дней машиниста,
Верстовые столбы этих строк.*
(Вадим Шершеневич «Песня Песней»)

...Не только писали, скандировали и горлопанили, но создавали идеологии своих поэтических школ. Что стоят только теоретические работы Андрея Белого («Ритм и «Медный всадник» и др.)?

А наши футуристы в теории и в практике стихосложения на две головы опередили родоначальников этого жанра в поэзии — итальянцев во главе с их захваленным Маринетти...

Итого, как говорят скрупулезные бухгалтеры и счетоводы: критический реализм, тем более новый, понимаемый расширенно, не есть железобетонная догма, но он приветствует любые формы самовыражения (кроме нецензурных, к чему время от времени призывают нынешние модернизаторы русского языка); если они осмысленны, не оторваны от реальной жизни, а главное — не выходят за рамки тысячелетних — от античных времен — традиций.

* Понятие молодости в поэзии весьма растяжимо. Вот к примеру кумир поэтической молодежи 60-х гг. некогда скандировал в переполненном зале Политехнического музея: «До тридцати поэтом быть почетно, но срам крошечный после тридцати!» Сейчас, в канун своего 80-летия (с чем мы его поздравляем), в том же зале он читает свои новые стихи... — Прим. авт.

Об этом же говорит и наш постоянный автор, писатель-прозаик и эссеист, лауреат всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова за 2010-й год **Наум Ципис** из немецкого Бремена.

Извиняясь за невозможность более активного участия в дискуссии, вызванной личными обстоятельствами, Наум Эфроимович пишет:

Теперь о дискуссии. Я за два месяца неизвестности и послегриппозного состояния тоже еще не совсем пришел в себя. А дискуссия, судя по Манифесту, должна, обязана по определению, быть серьезной. И уж во всяком случае, требует от участников солидной историко-литературоведческой подготовки. И это кроме заряженности внутренней, называемой спортсменами куражом. Ничем из перечисленного на данный момент я не обладаю. И даже если бы позволил себе что-то сказать по столь серьезному предмету — только с эстетической точки зрения, то и этого не смогу: постоянное чувство тревоги не дает даже толком прочесть текст среднего уровня. Прошу извинить мне мою неготовность к этой редкой, но современной и нужной дискуссии. Желаю участникам плодотворно поспорить об инструментах современной и будущей русской литературы.

Еще одну ипостась нового русского критического реализма, досадно «пропущенную» в проекте «Манифеста», а именно профессионализм в своеобразной манере затрагивает наш новый автор **Камелия Санрин** из английского городка Роял Танбридж Велс («Королевские колодцы у моста через Тан» — по-русски) — ближнего пригорода Лондона. Камелия пишет:

А я вот думала-думала о чем... о профессионализме. Как человек не насыщается, обладая вещами — и как гордится своими знаниями и умениями. Я много чего умею делать руками, что сегодня не очень-то нужно кому... но здесь меня уважают, когда узнают, что я умею и шить, и вязать, и готовить — обычные для русской женщины умения, в общем-то. И мне пришло в голову, что вот такую гордость умельца я узнаю ныне в программах и дизайнерах — новые профессии, новые навыки — но человек все тот же. И написала я длинный

стих на эту тему... а вы же знаете, как поэтам не терпится свои стихи всем читать и показывать? Вот только боюсь, кто-нибудь может привязать меня к политике, а я политики (и политиков) опасюсь и не доверяю им, политикам.

Прохожему, обдумывающему житье

*Слушай! Слушай сюда, прохожий!
Продемонстрируй рабочий ум —
всею своей пролетарской рожей
отобрази многотрудность дум!*

*Вспомни, товарищ, труд Стаханова,
вспомни родной заводской гудок.
Вспомни обгон пятилетки плановой,
славу труда из газетных строк!*

*Гордость свою пролетарскую вспомни,
тысячи ждущих рабочих мест.
Звоном набат революционный:
«Кто не работает — тот не ест!»*

*Умерли фабрики. Стали заводы.
Плакаты забыли славу труду.
Думаешь, кончатся смутные годы
в две тыщи семнадцатом году?*

*Нечем гордиться в век потребления,
вместо труда — гордись мишурой!
Гордость рабочая — на колени.
Новое время — новый герой —*

*с экранов, в журналах — лобковой вошью,
куда ни помотришь — плодится и ест.
А ты на алтарь потребления брошен —
тебе ни станков, ни рабочих мест,*

*ни строек гигантских тебе не доверено.
И впору поверить в правдивость лжи.
Ты выпал, товарищ, из нового времени,
из светлого завтра. Новая жизнь*

*к тебе обернулась оскалом ранящим —
не жди, мол, уже никаких побед...
Не верь, дорогой пролетарский товарищ
мой! В криках журнальных истины нет.*

*Просто, пока ты трудился над будущим,
строил его трудовой рукой —
вошь захватила прессы орудие —
и стала вопить, что весь мир такой,*

*каким его видят сплетники вишивые:
«сношаться и жрать — значит, радостно жить»!
Им невдомек, что за всякой наживой
радость труда в основаньи лежит.*

*Вот и не надо, в печали скукожась,
вишивые ценности в горсть собирать!
Нам пролетарская совесть поможет
новое время вновь создавать.*

*Дадим основание новым ремеслам,
знаний осиливая капитал!
И на борьбу с невежеством бросим
знания, труд и бойцовский запал!*

...Политика — дело стремное. Искренности и чувств в ней 0,00... %. С поэзией она совместима лишь тогда, когда эта самая политика приобретает некие, почти романтические черты, понятно, что при этом она четко преследует свои цели... Тогда и только тогда она привлекает внимание поэтов. Это и Маяковский, восхищенный бурными событиями молодой Советской страны, или тот же Редь-

ярд Киплинг, воспевавший, причем совершенно искренне, мощь и величие Британской империи, над которой не заходит солнце: «Запад есть Запад, Восток есть Восток // И вместе им не быть...».

Нет, мы «привязываем» стихи Камелии Санрин исключительно к теме профессионализма, которую Вы несколько иносказательно — в соотношении с темой дискуссии — так образно раскрыли в своем стихотворении, первые читатели которого — это раскрывшие настоящий номер «Приокских зорь».

Да, без профессионализма, без постоянного стремления к нему нет литературы, литературного творчества по определению. И профессионализм — это еще одна, пожалуй, наиболее существенная составляющая метода нового русского критического реализма. Здесь нам есть на кого равняться: великая русская литература XIX века и ее продолжение в лучших образцах литературы советского периода нашей истории.

...И Камелии Санрин нельзя не верить, ибо она — прирожденный провидец, то есть человек тонко анализирующий и делающий логически непротиворечивые выводы. Один пример нас убедил в этом. Еще в середине июля она писала, что в Англии, в Лондоне тож, необычная жара, а сама столица Королевства как-то в одночасье приобрела сходство с теми же итальянскими городами: чопорные британцы вдруг засутились, покрылись средиземноморским загаром, на улицах все бурлит, водители машин орут на пешеходов, а те проклинают всех и вся, взывая к справедливости и ликвидации классового неравенства... Так, мол, и назревают революции.

И что ж вы думаете? Прошла неделя-другая, а мы видим (эти строки пишутся в первой декаде августа м-ца) на экранах ТВ «революционные» грабежи, пожары и битвы с полицией в Лондоне, Ливерпуле, Манчестере и пр. И как нас ни убеждают наши СМИ — уже хвалящие не советскую власть, а капиталистическую: что поделаешь, «вторая древнейшая», — что это всего лишь хулиганство подростков из бедноты, но это есть самый настоящий классовый взрыв. То, что мы совсем недавно наблюдали в странах арабского Средиземноморья.

...Однако, вернемся от этой увлекательной темы к материалам дискуссии.

Нам пишет постоянный автор «Приокских зорь», лауреат премии «Левша» им. Н. С. Лескова за это год, **Рудольф Артамонов**:

Подходит срок реакции на Ваш Манифест, а все оттягиваю время ответа, потому что боюсь Вас огорчить тем, что хочу сказать. Мой бог в литературе — Чехов. Я боюсь всяких «направлений» в литературе и искусстве. Реализм, акмеизм, модернизм, постмодернизм и т.д. Не знаю, что такое реализм, а тем более критический. Придерживаюсь той точки зрения, что реализм вообще невозможен. Каждый из нас отображает действительность по-своему, так, как видит. Так, как видит только сам. Каждый за письменным столом создает свой, только им увиденный мир. А то, как читатель воспримет написанное, так же, как автор, или по-другому, это его, читателя, личное дело. Церковь обвиняет авторов в том, что они претендуют на роль бога, создавая иной, чем созданный Богом мир. Я православный христианин и считаю, что Господь не возбраняет познавать описанием созданный Им мир. Он как отец, который построил дом и вводит в него своего сына и хочет, чтобы он знакомился с вверенным ему домом, походил, заглянул во все уголки и узнал, и понял, что же отец ему дал.

...Решаюсь еще раз высказаться по поводу Манифеста. Не прогневайтесь, пожалуйста.

Как говорили в свое время большевики, сейчас нет «революционной ситуации». Верхи себе правят, как хотят, низы терпят. Поэтому ничего удивительного, что желающих высказаться по поводу критического реализма немного. Критиковать есть за что, только чего и как надо, никто толком не знает. Поэтому и помалкивают.

Известно, что Горький называл Чехова реалистом. Только эта оценка еще раз утверждает меня во мнении, что у каждого свой реализм. У Горького Челкаш, Сатин, Клим Самгин, у Чехова Мисюсь, Ванька Жуков, что пишет «на деревню дедушке», дядя Ваня. Унтер Пришибеев и Хамелеон, скорее, исключение, да и критикой это назвать трудно. Это усмешка никого и ничего не осуждающего человека.

Вы, Ваш журнал «ПЗ» делаете большое дело для русской

словесности. Горы рождаются на всхолмии, среди взгорья. Их не бывает среди голой равнины. Журнал создает литературное взгорье, а дальше: «Нам не дано предугадать, Как наше слово отзовется, И нам признание дается, Как нам дается благодать». И в этом деле не должно быть «наших» и «ненаших». Вы создаете сообщество людей, любящих русский язык, русскую литературу, желающих сказать свое слово. И слава Богу. Дай Вам Бог здоровья и силы продолжать это дело.

В словах Рудольфа Георгиевича «не знаю, что такое реализм, а тем более критический» — великолепное подтверждение той истины, что метод критического реализма суть не догма, а самодовлеющая методология. То есть писатель вовсе и не обязан, не должен знать всякие там каноны, законы, манифесты и пр., описывающие законы критического реализма, но, тем не менее, он интуитивно им следует, будучи воспитан на русской и советской классической литературе.

Так случилось и с Рудольфом Артамоновым. Премии «Левша» им. Н. С. Лескова он был удостоен за замечательную, глубоко реалистическую «Повесть о русской Сольвейг» (см. «Приокские зори» №№ 1—3/2011).

Что же касается акцента нашего автора во второй части сообщения на слове «критика», то выражаясь в терминах психологии творчества и восприятия (тем более, что Рудольф Георгиевич сам ученый в области медицины, он нас прекрасно поймет), здесь обычное для нашего мышления сочетание эффектов сдвига мотива на цель и фрустрации. То есть человек читает или слышит о критическом реализме и мысленно разделяет это единое понятие на два автономных: критика и реализм. Но ведь критический реализм — это не сугубая критика. Это критическое отношение к реальному миру вещей, понятий, отношений. Критическое не в смысле: критиковать зло, апеллируя к добру. Вотсе нет, здесь критическое отношение суть философская «бритва Оккама»: разделять добро и зло, но в то же время прекрасно понимать, что одно без другого не существует. Это почти как в утилитарной этике Дж. Мура, Бертрана Рассела и Людвига Витгенштейна — столпов этики ведущей философии современного буржуазного общества — неопозитивизма.

Но современный, новый русский критический реализм не приемлет этики неопозитивизма. Признавая онтологическую необходимость сосуществования добра и зла, метод критического реализма, особенно в его русской интерпретации, учит не беззубо *критиковать зло*, а доступными писателю, вообще художнику, средствами *преодолевать это зло*. Такова этимология словосочетания «критический реализм». Спасибо большое Рудольфу Георгиевичу, «подкинувшему» нам тему такой стороны дискуссии.

А вот понятие реализма хорошо определила **Людмила Авдеева** из Москвы, наш постоянный автор, член Союза писателей России. В качестве внештатного корреспондента она представляет интересы «Приокских зорь» в Госдуме ФС РФ. Она пишет:

Многомерность реализма

Разработка «Манифеста нового русского критического реализма» своевременна и необходима для поиска выхода из кризиса, поразившего современное гуманистическое сознание, для сохранения исконной духовности русской культуры. Документально оформленный творческий метод должен стать направляющим в раскрытии стилевых возможностей современной литературы, выявлении коллективной индивидуальности литературного направления, наиболее адекватного задачам словесности в условиях мировой глобализации. Причем главной задачей нового русского критического реализма, должно быть не только усиление «критичности», а утверждение подлинных духовных ценностей. Не надо забывать и о необходимости принципиально высоких требований к художественной ценности самих произведений. Литературное направление обязано сохранить лучшие традиции классической отечественной словесности, основные принципы объективного художественного отражения действительности, то есть «достоверное отображение типичных характеров в типичных обстоятельствах». Понятие «реализм» не надо ограничивать социально-бытовым, а необходимо включить в него всю многомерность, объемность жизни, и, при этом, неплохо бы новому критическому реализму взять лучшее и в романтизме, а именно, интерес к внутреннему миру человека как личности и некий идеализм, эмоциональность, без кото-

рых произведения литературы сухи и схематичны. Тем более и в романтизме прошлого была критическая струя в отношении буржуазной цивилизации. Произведения нового критического реализма должны нести идеалы справедливости, добра, свободы, любви... Читатель ждет от литературы не столько «сна золотого», сколько поддержки, указания пути для выхода из социально-общественного и нравственно-этического тупика. Литература во все времена была государственным делом. Писатель обязан быть гражданином, общественно ориентированной личностью. В «Манифесте» очень точно отражена оппозиционность писателя к властным структурам с учетом смены объектов критики, и, безусловно, «Манифест» объединит людей, для которых Слово Правды — основное оружие возрождения духовно-нравственных основ русского общества и сохранения величия русской литературы на мировой культурной арене.

...Сказанное Людмилой Евгеньевной существенно дополняет и разъясняет значение — понятийное и терминологическое — словосочетания «критический реализм».

Наш постоянный автор из Тольятти, инженер по образованию и работающий по специальности, **Сергей Лебедев** видит в обновленном критическом реализме мощное оружие в борьбе-противостоянии бездуховности, поглотившей нынешнюю Россию. В частности, он пишет:

Прочитав проект Манифеста, главное, что я понял — основная мысль Манифеста — сохранить лучшие духовные традиции нашего Отечества. И в первую очередь, русской литературы. А значит сохранить базовый фундамент русской культуры, который развивался в условиях существования многонационального государства. Задачи Манифеста отстаивать русскую цивилизацию, которая была заложена русской литературой не только в 19—20 веках, но еще со времен принятия православия на Руси. Этого истока русской духовной культуры.

И сейчас, когда за двадцать лет существования русской компрадорской буржуазии, разрушены многие духовные ценности, памятники культуры, на поверхность всплыли прогнившие принципы нового русского капитализма.

Как никогда, здравомыслящим людям становится понятным, что материальное благополучие, которое пропагандируется насильно, не может быть мерилем счастливой жизни людей. Это путь в бездуховность, а значит в общество людей-истуканов.

Всеми способами идет осознанная пропаганда под контролем русских капиталистов вседозволенности, бездуховности. Ставится, невидимый пока, запрет на образование. Но наступит день, когда образование будет получать только кучка детей магнатов. Уже сейчас воспитано поколение бездуховной, маргинальной молодежи. Они порой не могут назвать имен русских поэтов и писателей, а значит, в 18—20 лет никогда не читали книг Гоголя, Достоевского, Толстого. Нельзя допустить нравственной гибели нашего Отечества. К этому и призывает Манифест.

Приведем пространную выдержку из отзыва **Якова Шафрана** (г. Тула), сопредседателя Тульского литературного объединения православных писателей «Ковчег»:

Процессы, происходящие в мире, влекущие за собой и все более усиливающие бездуховность, безнравственность, отсутствие сострадания и милосердия, нелюбовь, частнособственнические инстинкты, стяжательство, накопительство, потребительский дух, обездушенность, механистичность, приоритет силы, практику двойных стандартов, презумцию виновности и другие — эти процессы ведут к деградации человечества, к превращению его во что-то противоположное. Этому нужно противостоять. Много в этом плане может сделать литература и ее действенный механизм — критический реализм. Созданная на его основе великая русская и советская литература всегда помогала людям действительно противостоять и произволу властимущих, и всем негативным, антисоциальным общественным явлениям, и недостаткам государственного устройства, и недостаткам идеологическим.

Совершенно верно сказано, что сейчас мы живем в переходный период. Предыдущий период истории заканчивается, а вместе с ним постепенно уходят и старые методы работы во всех

сферах жизнедеятельности. Исчерпал себя и классический критический реализм.

Но позволю себе не согласиться с автором проекта, когда говорится о полной тупиковости предыдущих экспериментов, а также о жестком и даже жестоком процессе глобализации, как о единственном и предопределенном механизме «одновременности перехода всего земного сообщества к единому, социально ориентированному, мировому государственному образованию».

Библия говорит о том, что «Бог творит все новое». Да, это так. Но Библия говорит и то, что Бог ничего не делает без человека. Поэтому от того, какой человек будет делать, каково его сегодняшнее состояние, и зависит, что он сделает в итоге, каким будет наше завтрашнее устройство. В этом плане и предыдущие эксперименты могли идти несколько иными путями. Тем не менее, их неоценимый опыт может пригодиться для будущего строительства. Что касается возможного объединения человечества, то и здесь также есть варианты — будет ли проходить глобализация и далее под управлением «трех толстяков» (что мы наблюдаем в действительности), или она будет проходить под управлением духовно-, нравственно- и социально ориентированной ответственной общественности всех стран, независимо от их экономического уровня развития (здесь также возможны варианты в зависимости от степени наличия или отсутствия перечисленных параметров такой общественности в тех или иных странах). И, безусловно, Россия будет участвовать в этом процессе как страна с великим, неразрывным и разумным прошлым, а не с фрагментарной, бесвязной и нелепой историей, какую нам пытаются навязать.

Очень верна мысль автора проекта, являющаяся программной, являющаяся, собственно, Манифестом — «Поскольку в эпоху глобализации отсутствует, по определению, «сравнительная база» национальных литератур, то объектом критики, в том числе конструктивной, становится не геополитика, социальные и экологические коллизии, но во главу угла ставится объект расчеловеченья человека ноосферного (homo poospheres). Сама методология нового критического реализма в

указанном аспекте зиждется на сохранении в реальном временном процессе формирования человека ноосферного средствами литературы — художественной и публицистической — тех черт человека личного, общественного и творческого, которые противостоят расчеловеченью, то есть превращению человека в нивелированный винтик глобального механизма ноосферы Земли». Здесь бы еще добавить — и способствуют лучшему устройению цивилизации.

Ради этой великой цели, ради того, чтобы наши дети и внуки жили в человеческом мире, под Манифестом нового критического реализма подпишутся все сознательные литераторы и люди, неравнодушные к литературе.

Но если сценарий глобализации и тип будущей цивилизации предрешены, и расчеловеченье неотвратимо, а задача литературы и творчества состоит только в том, чтобы максимально длительно противостоят, то это мало кого вдохновит.

...Что ж, единственный тулук, принявший участие в дискуссии, оправдал половицу: мал золотник да дорог. В том смысле, что Яков Наумович четко почувствовал по содержанию «Манифеста» — чем же коренным отличается традиционный критический реализм от его новой ипостаси? А отличие в том, что все мы живем сейчас в эпоху глобализации. Соответственно, смещаются и акценты творческого самовыражения, литературы в первую очередь.

Отрадно, что в дискуссии приняли участие не только отдельные ученые, писатели, литераторы, но и литературные общества. Ниже приведем коллективный отклик сразу двух **литературных объединений из Москвы: «Вдохновение» и «Орфей».**

Сохранить все лучшее

Обсуждение «Манифеста нового русского критического реализма» прошло в литературных московских студиях «Вдохновение» и «Орфей», а так же в студии «Русич» (подмосковный город Пушкино), в котором приняли участие поэты и прозаики. «Манифест», как четко изложенная декларация современного творческого литературного метода, был встречен с интересом. Отмечалось, что классический критический реализм, как в европейской, так и в русской литературе, на протяжении веков

был действенным и основным творческим методом, благодаря которому созданы произведения мирового значения. К сожалению, сегодня мы стали свидетелями разрушения отечественной культуры и, в частности, русской литературы. Классические формы критического реализма практически исчерпаны. Появились литературные течения, группы и объединения модернистского толка, не имеющие четкой творческой платформы, методологических программных документов, теоретических обоснований. Только истинная русская литература хранит еще дух народа, дух независимости, стремления к идеалу. «Манифест» призван очистить кладовые российской литературы от течений и групп, противостоящих исконной духовности русской культуры. В период глобализации цель литературы противостоять разрушительным процессам, для чего необходимо единение всех творческих сил на базе программного документа, каковым и может стать «Манифест нового русского критического реализма». Но сохранение преемственности традиций для перспективного развития отечественной литературы необходимо. Нельзя сбрасывать «с корабля современности» завоевания русской литературы, которые принесли ей мировую славу. Новый критический русский реализм должен взять все лучшее, проверенное из великой русской классической и советской литературы. Могла бы обогатить палитру современной поэзии и прозы и аура романтизма (достаточно вспомнить лучшие образцы романтизма, например, «Алые паруса» Грина или «Кавказского пленника» А. Пушкина). Как правильно отмечено в «Манифесте», время меняет идеалы и не надо доводить их до абсурда, но основные морально-этические нормы жизни продолжают жить в человеке, не отказавшемся от идеалов справедливости, борьбы со стяжательством, цинизмом, за лучший мудрый мир. Полное согласие вызвали положения «Манифеста» о гражданской позиции писателя и необходимости средствами литературы подвергать критике негативные явления в общественной жизни, чему и способствует творческий метод нового русского критического реализма. Среди высказанных замечаний — совет при доработке документа помнить, что он станет достоянием

не только интеллектуалов, но и читателей, среди которых люди, не всегда знакомые с научной терминологией. Сложность речевых оборотов, научных терминов может затруднить восприятие текста в целом. А основы новой творческой методологии, ее теоретическую базу необходимо донести не только до пишущих, но и до широкого читателя. Но в целом «Манифест» актуален, необходим, своевременен и открывает реальные перспективы для переосмысления современного состояния российской литературы в эпоху надвигающейся глобализации.

В качестве послесловия к высказанному:

Модернистам

Не пытайтесь, словно ластиком,
Все стирать, что в жизни было.
Не расправиться вам с классиком.
Он силен и за могилой.
Рассыпаются все изыски,
Словно домики песочные.
Ваши строчки только призраки,
Только слабые подстрочники.
Называйтесь хоть течением,
Направлением, модерном...
Вы плывете по течению
Щепкой брошенной, тленной.
Сколько было всяких измов,
Тех, что гениев душили.
Но с рассветом тает призрак.
Набирает Правда силы.

Рядом с Правдой — реалисты.

Сквозь века — перо, бумаги...
Помнить будут даже сфинксы
Строки веры и отваги.

(Л. Е. Авдеева)

Завершим подборку материалов дискуссии по-американски обстоятельным, систематизированным материалом нашего постоянного автора *Сергея Горы* из города Линкольна (шт. Калифорния, США), филолога-лингвиста, получившего ученую степень в Ленинградском университете, нострифицированную, то есть подтвержденную, в США. Сергей Александрович известен и как поэт, и как один из первых постсоветских менеджеров транснациональных корпораций и ведущих телевизионных шоу.

Мы не будем особо комментировать пространный и логически выверенный отзыв Сергея Горы на «Манифест» (ссылки автора на страницы и абзацы «Манифеста» — по его тексту в «ПЗ» № 1, 2011), ибо сам Сергей Александрович комментирует свои исходные послышки. А комментировать комментарии — это, на наш взгляд, есть некое «архитектурное излишество». Словом, перед вами, уважаемый читатель, отзыв поэта, ученого-филолога, эрудированного человека, настоящего современного русского американца.

Единственное наше *nota bene* — в отношении фразы Сергея Горы, что «высококультурные американцы... ничего не слышали о В. И. Вернадском и его теориях». Имеется в виду теория ноосферы* и ее современное развитие — см. 9-томную монографию.**

Что здесь сказать, чтобы и *status quo* сохранить, и высококультурных граждан США не обидеть? Поэтому не будем апеллировать к мнению последних. Заметим только, что одно из величайших предвидений XX века — концепция нашего выдающегося ученого Владимира Ивановича Вернадского о переходе биосферы Земли в ноосферу, то есть «сферу разума», на рубеже XX и XXI вв. начала с поразительной скоростью сбываться. О Вернад-

* Вернадский В. И. Биосфера и ноосфера / Предисл. Р.К. Баландина. — М.: Айрис-пресс, 2004. — 576 с. (Библиотека истории и культуры).

** Яшин А. А. Информационная виртуальная реальность (Тула, 2003); Яшин А. А. Живая материя: В 3-х тт. (Москва, Изд-во ЛКИ/URSS, 2007, 2-ое издание в 2010); Яшин А. А. Предтеча ноосферы: В 2-х тт. (Москва, Изд-во ЛКИ/URSS, 2010); Яшин А. А. Развертывание ноосферы: В 2-х тт. (Москва — Тверь, Изд-во «Триада», 2011); Яшин А. А. Феноменология ноосферы: Заключительные главы и прогностика (Москва — Тверь, Изд-во «Триада», 2011).

ском и его теории (теперь уже практике) ноосферы знает каждый образованный человек России, Европы и так далее.

Вместе с тем, чтобы при чтении «Манифеста» читатель не акцентировал свое внимание на термине «Ноосфера», мы полагаем нужным в окончательном варианте этого документа воспользоваться его более привычным синонимом...

Однако — слово Сергею Александровичу:

Примите в приложении пять моих предложений по Манифесту, которые строятся по следующему принципу:

номер ремарки (предложения) →

«философствование»-обоснование →

конкретные примеры, где желтым обведены строчки, рекомендуемые к обработке.

Главное примечание по Манифесту: Не стоит ограничивать (сужать) метод нового критического реализма ссылками на конкретных лиц, явления и теории. Любой «Манифест» — это призыв-контур теории, а отнюдь не ее детали. Это грубый штрих, если хотите,— не Ван Дейк и Рембрандт, а Модильяни и карандашный Матисс. Это грубый стих Маяковского, а не финтифлюшки сентименталистов... вспомните, например, что Маркс в 1848 году в своем манифесте не уточнял, откуда именно и какие именно польются блага при коммунизме, и каковым именно будет соответствующий поток...

Хочу особо отметить, что мои примечания не всегда соответствуют моему собственному мировоззрению — просто, я хочу представить себе реакцию Ваших потенциальных писателей, читателей, почитателей и меценатов, которые однажды прочтут Манифест как документ, объединяющий ряд издательств, журналов и т.д., чтобы решить, вносить свои таланты, силы и средства в данное предприятие или нет.

Например, представьте, что «завтра» появится (и объявится) великий критический реалист, которого мы условно назовем «Иван Петров», подразумевая при этом, что он может быть родом из Тулы, из Москвы, из Австралии и т.д.

И вот этот самый «Иван Петров» узнает, что «Приок-

ские Зори» следуют методу «нового критического реализма», который подразумевает:

- (1) Ссылку на авторитет Карла Маркса;
- (2) Следование В. Вернадскому и его теории о ноосфере;
- (3) Духовную опору в византийском православии; и, наконец,
- (4) Равнение на СССР.

И «Иван Петров» вдруг начнет рассуждать следующим образом:

(1) Маркса я не люблю. Уж больно бородат! К тому же его теория оказалась пишиком на $1/3$ земного шара! В Гвинее и то при социализме кончились бананы...

(2) Что такое ноосфера — я просто не в курсе (кстати, все мною опрошенные высококультурные американцы [знающие по 3—4 иностранных языка в совершенстве] ничего не слышали о В. Вернадском и его теориях);

(3) Я недавно читал книги о Византии: какой там был кошмар; они ведь выкалывали друг другу глаза; жены императоров были просто проститутками; патриархи были в основном подхалимами и лизоблюдами;

(4) СССР вдруг развалили... Чего же это люди не поспешили заступиться за столь социально ориентированное государство? За Ливию, вон, и то заступаются.

...И «Иван Петров» делает вывод: Критический реализм — не мой метод, а «Приокские Зори» — не мой журнал!

Хотите Вы этого, Алексей Афанасьевич? Наверяд ли!

В то же время отсутствие конкретных ссылок вовсе не означает «ограничение критического реализма» для тех, кто верит в Маркса, следует за Вернадским и питается исключительно византийским православием. Просто, дверь рекомендуемая держать открытой пошире, чтобы талантливые желающие могли в нее войти, невзирая на свои философско-политические привязанности.

Комментарии прилагаются.

С уважением, Сергей Гора

Выражая искреннее уважение авторам манифеста, сразу же подчеркну, что мои примечания ни в коей мере не должны рас-

смагиваться как настойчивые, и, как говорится, только Вам, основателям и вдохновителям журнала, судить, что следует учесть, а без чего вполне можно обойтись.

Позвольте, однако (как говорят чукчи в анекдотах), сделать несколько комментариев.

1. Разложив перед собой энциклопедические толкования критического реализма, я бы хотел подчеркнуть двойную природу основополагающего понятия: реализм состоит из двух противоположных начал (как Вы справедливо заметили со ссылкой на Гегеля), где борются демонические и божественные силы с целью уничтожить (т.е. «расчеловечить») или усовершенствовать человека. В этой связи задачей критического реализма может являться борьба с теми явлениями, которые уничтожают человеческую природу, равно как и восхваление (в качестве сравнительного фона) тех полезных качеств и привычек, которые ведут к укреплению духовности, в частности, и личности, в целом. Рассуждая на данную тему, хочу подчеркнуть, что духовные качества человека всегда оставались неизблеемыми на протяжении всех известных нам веков и цивилизаций: страх, любовь, совесть, чувство долга, желание отомстить, похоть, и т.д. являлись одним и тем же ощущением на протяжении тысячелетий, невзирая на материальный прогресс. Человек убегал от мамонта так же стремительно, как от танка или от взрывной волны атомной бомбы, причем с той же скоростью, т.е. максимально возможной, забывая при этом начисто о своей культурно-национальной идентичности. Поэтому с этой точки зрения российская литература критического реализма не может не отражать той общецивилизационной всевременной и общекультурной (если хотите) гуманистической преемственности, которая, грубо говоря, передавалась по исторической эстафете от Гомера Аристофану, потом Шекспиру, Пушкину и далее Тагору, Горькому и прочим современным Хемингуэям с Прилепыными и Улицкими. В то же время я готов полностью с Вами согласиться относительно прибавления слова «новый» к словосочетанию «критический реализм». Дело в том, что, во-первых, термин критический реализм настолько

был укоренен в советской литературоведческой пропаганде, что волей-неволей просится соответствующее определение со словом «новый»; во-вторых, учитывая такое толкование понятия **новый критический реализм**, предлагаю внести следующие коррективы в текст манифеста:

1.1 (третий ромбик, 17-я — 21-я строчки сверху на стр. 7.)

Онтологическая сущность метода критического реализма заключается в социобиологически обусловленном устремлении человека разумного... к социально ориентированному сообществу, **потенциально способствующему усовершенствованию его личности (как совокупности духовных и физических качеств):** от семьи до государства...

1.2. Полностью убрать тезисы, следующие под четвертым и пятым «ромбиками» (Данное устремление... и Из всех видов...) 22-я — 28-я и 29-я — 33-я строчки сверху на стр. 7.

Примечание: Это очень хорошие фразы сами по себе, но какое отношение все это имеет именно к критическому реализму, а не, скажем, к экзистенциализму или научной фантастике?

1.3. (Скорее вопрос, а не комментарий) За следующим ромбиком, Вы пишете: **...русской литературе** [а не российской литературе] (14-я строчка снизу на стр. 7), а далее следует ссылка на Византийское православие (8-я строчка снизу на стр. 7). Тогда позвольте: С чем соотносить специфику Украинской, Белорусской, Грузинской, Армянской и Восточно-Молдавской литератур, которые тоже исповедовали Византийское православие и были при этом частями Российской империи, а позже — СССР? Речь здесь, прежде всего, о том, что само понятие «специфика» подразумевает уникальность принадлежности того или иного явления, иными словами, если это присуще только России, то этого нет и не может быть у Украины, Грузии, и т.д. Например, в чем специфика тигриной шкуры? Говоря о ее полосах, мы ведь подсознательно предполагаем уникальность тигриного окраса, не похожего на шкуру других кошачьих (львов, пантер и т.д.)

2. Продолжая комментировать данный пункт, замечу, что если у Вас хватит терпения дочитать мои философствования

до конца, то Вы увидите, каким именно я вижу «ромбик» о специфике русского критического реализма (10-я — 3-я строчки снизу на стр. 7). А философствования эти, как и упомянутый окончательный вывод к ним, связаны со следующими четырьмя понятиями: (1) Византийское православие, (2) Идолопоклонство (3) Общинность, и (4) Социальная ориентация СССР. Итак, по порядку. Уникальность и, если хотите, специфика России (а не Бельгии и Франции, скажем) заключается как раз в том, что христианство здесь не только не вытравило идолопоклонства, а, наоборот, сосуществовало с таковым параллельно, явно уступая последнему в сердцах людей. В этой связи позвольте порекомендовать Вам обратиться к ведущим фольклористам России (например к д-ру Михаилу Алексеевскому), которые расскажут Вам, сколько неприкрытого язычества присутствует до сих пор в нашей повседневной жизни; от рассадки членов семьи на кухне до троекратного сплевывания при виде черной кошки. А разве в той же русской литературе не упоминались лешие и кикиморы, и разве наши классики не писали о домовых, заговорах болезней и т.п. Вспомним Пушкина, который (аж в XIX-м веке!!! т.е. почти через 10 веков после принятия православия) писал: «Татьяна верила преданьям простонародной старины... таинственно ей все предметы провозглашали что-нибудь, предчувствия теснили грудь...» Что сделали россияне (как говаривал царь Борис) в 22-м? Вместо «идола-Богородицы» в красном углу повесили портрет Ленина и назвали красный угол красным уголком. Общинность — это, если пристально взглянуть, и есть лучшая почва для идолопоклонства. Ведь кто такой идол? Это незаслуженно обожествленное лицо или явление, возвышающееся над определенным сообществом людей и, якобы, покровительствующее ему. Итак, если Вы — член общины, значит Вы вынуждены быть ее частью (из-за климата, суровых условий, целей коллективной обороны), и это значит, что Вы равный среди тех, над кем есть идол-начальник (староста, смотрящий, воевода, целовальник, атаман, барин, помещик, комиссар, вор в законе и т.п.), которого Вы обязаны превозносить и постоянно беспрекословно слушаться, иначе не выживите. С

подобным общинно-идолопоклонческим устройством и боролся русский классический критический реализм. Переходя напоследок к собственно Византийскому православию (с его явно неправославными арианством, несторианством, монофизитством, монофилитством и иконоборчеством), оставляю в стороне ряд напрашивающихся негативных ссылок на беспримерную жестокость византийцев (изобретение многих орудий пыток), распушенность нравов (взять хотя бы Евдокию, которая трижды изгнала патриарха Иоанна Златоуста), повальный алкоголизм и интриганство, а приведу лишь один пример: когда Мехмет II захватил Константинополь в 1453 году, он собрал местных олигархов и спросил: господа, что же вы на ваши несметные сокровища не наняли наемников, чтобы преградить мне путь в Ваш город? — А мы берегли все наши деньги для тебя — ответили «православные» олигархи. Тогда Мехмет II приказал всем им отрубить головы... Уверен, что вышеприведенный пример «византийского православия», мягко говоря, несродни ни русскому классическому, ни новому критическому реализму (как-то не вяжется вышесказанное ни с творчеством Ф. Достоевского, ни с «Поднятой целиной» М. Шолохова). И последнее: категорически не соглашусь с мнением о социальной ориентации СССР. И дело здесь не столько в ГУЛАГЕ и Сталине, сколько в объективных статистических данных, однозначно свидетельствующих о деградации и вымирании общества (т.е. социума). Одним словом, идеологическая декларация отнюдь не трансформировалась в реальность.

Заключая вышесказанное, следует признать, что новый критический реализм как раз и призван бороться, с одной стороны, со стадным инстинктом, идолопоклонством, и с другой стороны, с византийской чванливостью, псевдотеологической демагогией, интриганством, коварством и жестокостью, которые в разное время были привнесены в русскую жизнь и явно до сих пор прямо или косвенно способствуют деградации русской личности. Возвращаясь к специфике русского критического реализма предлагаю следующий «ромбик» (10-я — 3-я строчки снизу на стр. 7):

2.1. Спецификой русской [... оставляем все как есть...] отечественной литературы, традицией [убираем слово: общинной] мироустройства русской жизни, является выявление, описание и обличение **общественных и личных пороков, включая** неприятие стяжательства и накопительства, **а также любого** частнособственничества, **направленного исключительно на личное обогащение и карьеризм**, примат коллективизма, вера народа в верховную власть **при ярко выражаемом недоверии к низшим и средним звеньям** власти исполнительной.

Примечание: предлагаю также **убрать** ссылки на (1) «**грамоту царя-батюшки и... бояр**» (Во многих произведениях русского классического критического реализма этого мотива просто нет). (2) «**абсолютное неприятие частнособственничества**» (любой иностранный дока-литературовед скажет Вам, что ни в классической, ни в современной русской литературе нет прямого неприятия самого института частной собственности. Другое дело, что критикуются пороки определенных частных собственников, но отнюдь не сама экономическая категория. Кстати почти все представители классического критического реализма России XIX — начала XX веков были ярко выраженными частными собственниками, чем отнюдь не гнушались. (3) Сейчас, а также в различные периоды прошлого (хотя и не во все), высшие звенья исполнительной и законодательной власти представляли собой по сути одно и то же. Поэтому и внесено соответствующее указание на **низшие и средние звенья исполнительной власти**, а не на всю исполнительную власть вообще.

2.2. Третий «ромбик» на стр. 8 **(26-я — 33-я строчки сверху на стр. 8)**

Предлагаю убрать: «..., учитывая социальную ориентированность СССР» по причине, указанной выше.

3. Невзирая на достаточно часто встречающуюся в российских СМИ полемику относительно терминов разрушение, развал и распад (СССР), хочу отметить неразрывное семантическое сходство этих понятий. Ведь, распасться может только то, что (1) разрушали (неважно изнутри или снаружи) или (2) само по себе разрушалось. То есть процесс разрушения —

это физическая причина распада, а распад — это, в любом случае, результат процесса разрушения в той или иной его форме. Короче, «что в лоб, что по лбу» — эффект одинаковый. Если в Манифесте будет употреблено только одно (любое!) из этих слов, то документ будет выглядеть глаже, без явно ощутимого заочного спора с кем-то тайно несогласным с предлагаемыми доводами. Предлагаю:

3.1. Третий «ромбик» сверху (18-я — 21-я строчки сверху на стр. 9)

...с момента разрушения [или распада — все равно] в русской... методов. [точка!]

Примечание: Предлагаю убрать строчки относительно неконструктивного критического реализма. Согласитесь, что это звучит слишком оценочно и эмоционально. К тому же литературоведческое определение критического реализма (а значит и нового критического реализма) не подразумевает какой-либо особенной (точно измеряемой) степени конструктивности.

4. Не вдаваясь в политическую, а тем более в научно-теоретическую полемику относительно прозорливости Карла Маркса и Владимира Вернадского, отмечу только то, что широко известно даже неучам: мозг самого талантливого человека развит максимум на 10—12 % своего потенциала. Поэтому не стоит слишком доверять глобальным прогнозам философов и ученых (не сочтите за обиду, Алексей Афанасьевич). Ведь смотрите, что всегда и всюду происходило: теория признаваемая конечной и единственно верной вдруг в одночасье становилась изжитой и ненужной. Великой, например, считалась теория эволюции Дарвина... до открытия ДНК Уотсоном, а открытие последнего вдруг поблекло после обнаружения волнового генома. А разве примеры открытий Исаака Ньютона и Карла Линнея не свидетельствуют в пользу того же? Сотни ученых и философов XIX—XX-го веков считали, что вселенная неизменна, а Хаббл вдруг доказал, что она расширяется. (Кстати, А. Эйнштейн потом говорил, что он тоже так же думал, но боялся объявить, ибо все вокруг были материалистами.) Ученые и философы имеют дело, как правило, с материальным,

которое постоянно изменяется в сознании под напором новых открытий и более окрепших мозгов. В то же время искусство и литература отражают вечное и неизменное — сиречь духовный мир — и потому, по определению, не могут обуславливаться какими бы то ни было научно-философскими теориями, политическими приоритетами и/или симпатиями, и прочими конкретными материальными явлениями, ощущаемыми в определенном периоде времени. Поэтому:

4.1. Пятый (Исчерпанность на рубеже... 25-я — 31-я строчки на стр. 9) и шестой (На нынешнем, активно... 32-я — 37-я строчки снизу на стр. 9) «ромбики» предлагаю убрать.

5. Любое явление, обозначаемое термином, оканчивающимся на «изм» и «ция» требует дополнительного уточнения (например, в СССР для членов Политбюро был полный и настоящий коммунизм, где все мыслимые и немыслимые блага лились полным потоком, а простой народ жил при самом настоящем рабоче-владельческом строе, где любого человека можно было заставить трудиться бесплатно, психологически сломать и, наконец, попросту убить (ссылки на описание ГУЛАГа у Солженицына, Шаламова, Аксенова, и т.д.). При этом взаимоотношения федеральных и региональных властей были чисто феодальными, а теневая экономика являла собой яркий пример дикого капитализма. Поверьте, я это знаю не только по книгам...

Аналогичная логика применима и к термину «глобализация». Говоря проще, имеет место быть как «глобализация добрых начал», так и «разрушительная глобализация». Тут дела обстоят так же, как с Интернетом: хочешь отождествлять его с порнографией, хочешь — с доступом ко всем новостям, а хочешь — с вебсайтами про святых мучеников и той же высокой литературой. В силу вышесказанного, задачей современного российского критического реализма должна являться не борьба против глобализации вообще (т.е. как таковой) или же потакание ей как одному целому, а критика разрушительных явлений глобализации при отстаивании ее добрых начал. Ну, кому, скажите на милость, будет претить глобализация немецкой аккуратности, японского патриотизма, славянского гостепри-

имства или английского дружелюбия; и кто дерзнет защитить глобализацию пол-потовской жестокости, африканской распуценности и всепроникающей пост-советской коррупции?

Добавляя к сему пожелание отказаться от излишней категоричности, предлагаю:

5.1. (13-я строчка снизу, на стр. 9 журнала): ... критического реализма являются **те разрушительные** процессы глобализации, **которые наносят ущерб** национальной специфике **отдельных культур**.

5.2. (10-я строчка снизу на стр. 9 журнала): Поскольку в эпоху глобализации **может** отсутствовать «сравнительная база» национальных литератур...

5.3. (4-я — 5-я строчка снизу на стр. 9 журнала): ...сохранении тех черт человека... (пропуская несколько слов).

Примечание: предлагаю **убрать** ссылки на (1) «**ноосферного человека**» (Мол, кто это, извините за невежество? К тому же, кто может с уверенностью предвосхитить сколь-нибудь существенные изменения в духовном мире ноосферного человека будущего?); (2) «**реальный временной процесс**» (любой жизненный процесс происходит в реальном времени); и (3) «**литературу и публицистику**» (Понятно, что речь идет не о сельском хозяйстве или космонавтике).

Итак, уважаемый читатель «Приокских зорь», пришло время подвести итоги дискуссии. Но прежде всего извинимся перед теми многочисленными авторами полученных нами откликов, тексты которых не вошли в приведенную выше подборку. Мы им глубоко признательны, но... объем настоящей рубрики журнала ограничен, а мы старались отобрать для опубликования наиболее характерные, порой и полярные, мнения. Другой момент: многие отклики, что называется, «синхронны в мыслях». Это, кстати говоря, есть и свидетельство важности и верности основных положений проекта «Манифеста».

Наконец, в первых двух номерах «Приокских зорь» за следующий год мы планируем — по мере поступления в редакцию — продолжение печатания отдельных, наиболее содержательных материалов-откликов на «Манифест».

А итоги дискуссии достаточно оптимистичны. Главное, современные русские писатели и литераторы, их читатели понимают: без четко выверенной методологии дальнейший литературный процесс уподобится блужданию во тьме. «Теория, мой друг, суха, но вечно зеленеет жизни древо», — это из «Фауста» Гёте. Вернее и образнее не скажешь.

Разумеется, это вовсе не означает, что литератор сочиняет свои романы, поэмы и драмы, поминутно справляясь с неким методологическим пособием. Просто, становясь и развиваясь как художник слова — а процесс этот длительный, иной раз длиной в жизнь, — писатель впитывает эту методологию почти что произвольно: из чтения, из бесед с коллегами, просто из услышанного и увиденного. Знание реальной жизни людей — вот лучшая методология!

Другой существеннейший результат дискуссии: большинство современных писателей, прежде всего из России, согласны с тем, что основное — исторически и ныне действительно — направление русской литературы было, есть и будет критический реализм. Об этимологии этого понятия и незаикливании на слове «критика» мы уже писали выше в наших комментариях. Самое главное — это то, что данный творческий метод ни в коем случае не должен, а по определению и не может, быть привязан к каким-либо жанрам. Под его расширенную методологию в равной мере подпадают социальный и политический роман, любовная лирика и сентиментальное повествование, автобиографическое произведение и литературно-исторический труд. Даже фантастика (но не пресловутая «компьютерная фэнтези!»), популярная ныне «альтернативная история» (то есть: что бы было, если бы...), даже умная и прочувствованная поэзия, в своих тропах отличающаяся от привычных «ямбов и хореев»... — все это предметы и объекты действительности критического реализма.

Собственно говоря, критическому реализму в литературе можно противопоставить только творчество адептов сугубой виртуальной реальности, болезненную эротику и порнографию или других клинических проявлений, а также столь многочисленную словесную бессмыслицу, именующую себя литературой, заполонившую в последние десять лет Интернет и многие его сетевые журналы. — Это не литература, а переписка по компьютеру двух соседей, раз-

деленных межквартирной стеной, но не узнающих друг друга при случайной встрече на улице...

Наконец, почему в названии «Манифеста» мы акцентируем слова «русская литература»? — Потому, что русская литература — это мировой феномен, длящийся уже третье столетие. Да, имели место достаточно длительные феномены английской и французской литературы XIX — начала XX вв. На рубеже этих же веков яркой кометой явился изумленной Европе феномен норвежской литературы — от Бьернторне Бьернсона до Кнута Гамсуна. Феномен латиноамериканской литературы 50—70-х гг. прошлого века... Вспомним и литературу США времен Ирвина Стоуна, Уильяма Фолкнера и многих других. Но разве все это сравнится с феноменом великой русской литературы?

Мы не квасные, шапкозакидательские «патриоты», но что есть, то и есть. Поэтому это и есть «Манифест нового русского критического реализма».

...Оргкомитет дискуссии планирует, учитывая *все* поступившие (и вновь поступающие) отклики, мнения и предложения, к середине следующего года подготовить окончательный, рабочий вариант текста «Манифеста» и представить его руководству Академии российской литературы, Союза писателей России и другим общественным литературным организациям с рекомендацией принятия «Манифеста» в качестве программного документа.

Составление и комментарии Алексея Яшина

СТРАТЕГИЯ, ТАКТИКА И АКАДЕМИЯ

Академия российской литературы еще молода, но достаточно активна. Активны и инициативны академики «первого призыва». Брендом — извините за чужеземное слово — Академии стали серии книг современной поэзии и прозы*. Это удачное начало ее деятельности, ее тактики, выражаясь военным языком. На очереди — формирование долгосрочной стратегии.

Конечно, статусу общественных академий за двадцать лет существования этого института, нового для нашей страны, очень сильно повредила их многочисленность, узкоспециальность кружкового типа, а порой и чисто коммерческая цель их создания. Очень ревностно отношение к ним и госакадемий, особенно Российской академии наук (РАН), члены которой уничижительно именуют «общественников» «академиями парикмахерских наук»...

В то же время сама идея общественных академий, непривычная для России — равно как для предшествующих СССР и Российской империи, — никакого негатива в себе не несет. Например, на Западе, включая американский континент, таковые, как правило, подменяют собой отсутствующие госакадемии. Разумеется, они лишены качеств абсурдности (см. выше)... и профанации («всякая идея, доведенная до совершенства, есть абсурд», — вроде как Бернард Шоу сказал).

Чтобы не потеряться в сонме то ли ста, а может, и двухсот общественных академий, имеющих сейчас быть в России, названия которых порой знают только их участники, а то и вовсе одно руководство — генералы без армии, — нашей академии уже сейчас, наряду с тактикой, следует определиться и со стратегией. По своей научной специальности являюсь членом ряда российских, зарубежных и международных академий, вхожу в региональные руководства некоторых из них. То есть, вопросы тактики и стратегии мне достаточно знакомы. Полагаю, что мое мнение вполне может претендовать на заслуживающее внимание. Итак, по пунктам конкретизации.

* См. очерк Ирины Кедровой в рубрике «Литературоведение, литературная критика, рецензии» в настоящем номере журнала.

К счастью, по самому своему определению АРЛ лишена двух самых основных «парикмахерских» признаков. Во-первых, это первая литературная академия в стране. Есть, правда — с центром в СПб — достаточно солидная Петровская академия наук и искусств, но в ее деятельности все же преобладают сугубо научные интересы. Опять же не угрожает АРЛ и пресловутая «узкоспециальность», ибо литература — понятие очень широкое. Напомним, что основанная Петром Первым первая же академия в России основным предметом изысканий и исследований имела русскую словесность и филологию...

Во-вторых, не имея и даже не надеясь умозрительно на какую-либо «копейку» от государства и мифических — существующих только в воспаленном воображении функционеров СМИ — меценатов, тем не менее АРЛ толерантности к коммерции не испытывает. Да если бы и захотела, все одно бы не получилось ничего: книги не бананы, спросом у 95–98 % нынешнего населения России не пользуются.

...А вот «вырваться» из изобилия общественных академий, создать свое, неповторимое лицо и самоутвердиться — это вполне реально. Повторюсь: тактика академии с изданием двух серий книг современной поэзии и прозы уже сделала свое дело, название академии на слуху читающей публики страны. Не только Москвы и Подмосковья.

Умелая тактика суть проводник большой стратегии. Для литературной академии это опять же изустное и печатное слово, которое всегда было сначала. Здесь АРЛ чрезвычайно повезло, ибо на момент ее создания уже активно работали Независимое литературное агентство «Московский Парнас» с его альманахом, де-факто ежемесячным одноименным названием и «толстый» литературный журнал «Приокские зори». На страницах этих, фактически всероссийских, изданий члены академии, ее единомышленники представлены в должной полноте. А если учесть, что оба эти журнала имеют свои «Библиотеки», в которых за год издается до двух десятков авторских книг?

Вообще говоря, целесообразно не только фактически, но и по статусу сделать «Московский Парнас» и «Приокские зори» печат-

ными органами академии. Это повысит репутацию изданий, но при этом не «нагрузит» АРЛ финансовыми и иными хлопотами. Ибо журналы как издавались заботами их главных редакторов и подвижников — членов редколлегии, так и будут издаваться. Как это у нас с Л. В. Ханбековым получается издавать журналы — в срок, без пропусков, без сдваивания номеров, главное, без какого-либо финансирования? — Не спрашивайте, пусть наша головная боль останется при нас...

Другой существенный момент стратегического характера: расширение инфраструктуры академии, выход ее за «пределы МКАДа», создание укрупненных — на первых порах — региональных отделений, хотя бы в условных рамках административных федеральных округов. Естественно, все это должно совершаться без «размывания» академии и снижения требований к творческому уровню кандидатов и членов академии. Как подсказывает личный опыт: региональное отделение по численности не должно превышать восьми-десяти членов, принятых в АРЛ — с утверждением в Президиуме — в течение 3—4—5 лет.

При таком расширении инфраструктуры также желательно ввести практику периодических съездов и пленумов академии, причем проводимых не только в Москве, но и в провинциальных отделениях.

Творческие семинары по жанрам, проведение региональных конкурсов, особенно поэтических, расширение сотрудничества с Союзом писателей России и другими писательскими организациями — все это должно иметь место.

И, конечно, учреждение литературных премий. Здесь также имеется задел: «Московский Парнас» ежегодно называет своих лауреатов за лучшие публикации года в журнале (альманахе), а «Приокские зори» открыли третий сезон всероссийской литературной премии «Левша» имени Н. С. Лескова. Уже сейчас можно их «перевести» в ранг академических.

...Глаза боятся, а руки делают. Но начало ведь положено? Дело за всеми нами.

ДВИЖЕНИЕ БЕЗ ЦЕЛИ — ПУТЬ В НИКУДА

В настоящей колонке главного редактора мы обращаемся в определенном смысле к анализу и оценке «Манифеста нового русского критического реализма» («ПЭ», № 1, 2011)* и материалам всероссийской и международной дискуссии по «Манифесту» («ПЭ», № 4, 2011). Как говорится, дело того стоит. Тем более, что и в течение наступившего года журнал продолжает публикацию всех вновь поступающих отзывов, замечаний, рекомендаций и предложений. А как *summa summarum*, планируется опубликование окончательного текста «Манифеста» — с учетом материалов дискуссии.

Опережаяще отвечаем на естественно возникающий вопрос: почему мы уделяем такое внимание названному документу? Не срабатывает ли здесь человечески объяснимый принцип: раз это наше, то за него и держимся?

Нет, причина здесь сугубо объективная. И не «наша вина», что мы первые и достаточно настойчиво поставили злободневный вопрос о превалирующем творческом методе в современной русской литературе.

...Не устаем повторять в данном контексте: русской не по национальности автора и описываемой им среды проявления характеров, но по следованию традиций великой русской литературы XIX — начала XX вв. и лучших же сторон советской литературы века минувшего.

Здесь же поясним: русская литература однозначно предполагает, что ее языком художественного воплощения является русский же литературный язык. Но наряду с таковой существует сугубо русскоязычная литература — зарубежная и/или вышедшая из-под пера авторов-россиян, не принадлежащих к титульной национальности. Является ли русскоязычная литература составной частью русской литературы?

* Текст проекта «Манифеста» также был опубликован в 2011 году в красноярском журнале «Истоки», альманахе «НЛО» (г. Новомосковск), в ряде других литературных периодических изданий.

На этот сакраментальный вопрос хорошо в свое время ответили своим творчеством малороссиянин Николай Васильевич Гоголь, потомок эфиопа Ганнибала Александр Сергеевич Пушкин, Лермонтов и Бальмонт, чьи предки были выходцами из Шотландии, поляк Осип Сенковский и многие, многие другие. Что уж тут говорить об интернациональной русской советской литературе, когда, говоря словами Поэта, «...и ныне дикий тунгус, и друг степей калмык» в лице своих писателей стали составной частью русской литературы. К ним и само определение «русскоязычный» как-то неприменимо...

Вернемся к основной теме, но — опять же с некоторой, но многое поясняющей преамбулой.

Даже в наше вольнолюбивое, невзнузданное время почти каждый самодостаточный человек имеет определенную профессию: от первой и второй древнейших до проектирования и обслуживания высоких технологий (Извиняемся за вольность «штиля», но такова сегодняшняя реальность.) И всякий профессионал в чужой монастырь со своими мнениями и поучениями не лезет.

И только в трех отраслях человеческой деятельности всякий, имеющий хотя бы неполное среднее образование, полагает себя всеобъемлющим знатоком. Это практическая медицина, педагогика и экономика. Но поскольку, исключая практическую же бухгалтерию и счетоводство, экономика, как нечто абсолютно автономное, есть абсурдное понятие, а отраслью науки и практического приложения становится только в тесном переплетении с политикой, то речь идет именно о политэкономии. Вот в ней-то каждый «с семилеткой» и полагает себя знатоком.

И даже такой знаток интуитивно понимает: всякое политэкономическое движение имеет определенную для него цель. И поэтому все внушаемые ему «от СМИ» рассуждения, что рыночная экономика «сама себя вывезет», а государство всего лишь «ночной сторож» такой спасительной рыночной экономики, — представляются вовсе не знающему азов «макроэкономикс», но здраво мыслящему «от сохи» обывателю промыванием мозгов.

...Понятно, что наши выдающиеся экономисты (можно в кавычках, а можно и без них), наставляющие эти самые СМИ, все

прекрасно знают. Знают, что сама по себе чисто рыночная экономика — бред сумасшедшего, что в традиционных капиталистических странах рынок лишь выравнивает колебания не предельно жесткой плановой экономики, что была характерна для СССР, которой потому рынок вовсе и не требовался.

Все они, выдающиеся, прекрасно знают, но — выполняют социальный заказ за хорошую плату... А теперь к нашей теме.

Литература, литературный процесс в особенности, не относятся к области всезнайства. Но все одно, даже сугубо практичный в жизни человек, полагающий вполне искренне чтение книг баловством, дескать, «нам это ни к чему» (из «Тихого Дона»), не отрицает наличие у литературы своей цели.

Итак, литературный процесс — движение, имеющее свою цель. Антитезой здесь является утверждение: движение — все, цель — ничто. Обычно в социально-политической сфере это утверждение приписывают Троцкому, но на самом деле эта формула задолго до него использовалась в классической немецкой философии. Но она же действительно являлась (и сейчас является!) девизом троцкизма, активно действующего и поныне. Сам же Лев Давидович, как опытный оратор, переиначивал ее на народный язык: «главное ввязаться в драку, а там видно будет» или «ни мира, ни войны, а армию распустить». И так далее.

...Но, отвергая движение без цели, как путь в никуда, мы должны определить механизм такого движения с целеполаганием. Проще говоря, должны иметь теорию, теоретическое обоснование такого движения. Опять же пример из политэкономии. Полную, всеобъемлющую теорию политэкономии капитализма создал Карл Маркс. Она и сейчас руководит мировым капитализмом-империализмом.

Но политэкономии социализма Маркс не успел, или не мог, не наблюдая практики этой формации, создать. — Только дал ее абрис, которого СССР хватало только на первых порах построения социально ориентированного государства. Уже в первые послевоенные годы стало ясно: отсутствие тщательно разработанной концепции политэкономии социализма стало определенным тормозом. Даже не определенным, а очень существенным. Потому лейтмоти-

вом знаменитой дискуссии начала 50-х годов по проекту учебника политэкономии социализма стали слова Сталина: «Без теории нам никак нельзя».

Увы, по известным причинам эта задача осталась нерешенной. Нет сомнения в том, что отсутствие политэкономии социализма, как руководящей теории, вкупе с явно «подброшенной» в начале 70-х годов концепцией хозрасчета, внесло существенный вклад в проигрыш нашей страной Третьей мировой («холодной») войны, что было «последним и решительным боем» традиционной капиталистической формации перед ее заменой формацией глобализма. Дальше нам пока знать не дано.

...Так и в части литературного процесса, но заранее оговоримся: не замахиваясь на мировой ареал, ограничиваемся отечественной литературой.

В тексте проекта «Манифеста», достаточно подробно разъясняется предтеча формирования в конце XVIII — первой половине XIX вв. теории и — главное — практики русского критического реализма. В части оформления его теории, концептуальных положений, в первую очередь следует называть имена Белинского, Чернышевского, Добролюбова, Писарева (при всей его категоричности суждений) и многих других классиков русской публицистики и критики.

Но здание теории критического реализма строилось не только «со стороны» демократов-шестидесятников XIX века. Значительный вклад здесь внес Аполлон Григорьев. Обычно в отечественном литературоведении созданную Аполлоном Александровичем теорию «органической критики» именуют эклектической, противопоставляя ее взглядам на теорию искусства революционных писателей-демократов. Однако же именно славянофил Григорьев во главу угла поставил реализм и дал четкое философское обоснование как концепции критического реализма, так и литературной критики — необходимого звена между теорией и практикой литературного творчества.

Таким образом, созданная на протяжении названного выше времени теория русского критического реализма во многом содействовала созданию феномена русской литературы XIX века. И в

целом эта концепция исправно «работала» до окончания первой четверти XX века.

Однако уже в начале этой четверти отдельные положения теории критического реализма становятся если не артефактом, то тормозом для дальнейшего движения русского литературного процесса. Это проявилось двояко. С одной стороны, стала малоразмерной гоголевская «шинель» для таких писателей, как Горький, Леонид Андреев, Михаил Арцыбашев, Дмитрий Мережковский, Маяковский. Отрекся от всего им созданного Лев Толстой. Новое видение мира вещей, чувств и отношений явно сквозило в стихах блестящей плеяды поэтов «Серебряного века»...

С другой стороны, это прямой, часто неразумный, сиюминутный, но — все же протест против канонов критического реализма, выразившийся во взрыве различных «измов» в революционное межсезонье 1905—1917 годов.

Казалось, дни классического русского критического реализма на исходе. Поддержка пришла с совершенно неожиданной стороны — от быстро формирующейся советской русской литературы. Преодолев «чистку» комиссией Луначарского—Крупской и пролеткультовскую бесовщину, советская литература продлила почти до окончания XX века творческую действенность традиционного русского критического реализма, лишь несколько переориентировав оси противостояния «добро — зло». Как и говорится в «Манифесте», соцреализм продолжил традиции XIX века в своих лучших образцах.

Было ли это продление искусственным, то есть театрализованным переодеванием между актами исторической пьесы из фрака писателя-дворянина и сюртука ревдемократа в телогрейку рабочего сталинских пятилеток, в шинель Гражданской и Отечественной войн, в непритязательную обыденную одежду физиков-лириков и писателей-шестидесятников (уже XX-го века)?

Нет, конечно. Ибо соцреализм по сравнению с традиционным критическим реализмом XIX — начала XX вв. получил не только приставку-корень «соц», но и — впервые — четкую цель. В отличие от туманного «второго сна Веры Павловны», эта цель — участие литературы в построении социально ориентированного го-

сударства — стала сильнейшей апологией всего движения литературного процесса... и апологией обновленного русского критического реализма.

При этом, если в художественном содержании русской советской литературы 20-х — начала 50-х гг. еще что-то намекало на применимость известного девиза «цель оправдывает средства» (Игнатий Лойола, первый генерал Ордена иезуитов*), то в литературном процессе 60—80-х гг. самополагание цели уже обходилось без «кнута и пряника».

Как и во многих многофакторных, стохастических процессах, в литературном также вопрос о статусе поставленной цели при движении к ней ставится не как неперенное ее достижение, а как бесконечное приближение. В точных науках это называется аттрактором. Более того, ставить вопрос о неперенном достижении цели — это равнозначно доведению до абсолютного совершенства некоторой идеи. А из философии Гегеля хорошо помним, что всякая идея, доведенная до совершенства, есть абсурд.

...Это мы все к тому говорим, чтобы избежать возможных возражений: дескать, цель в методе соцреализма была сомнительной, явно недостижимой, да к тому же с разрушением (не развалом!) СССР и вовсе превратилась в ничто — в зеро, абсолютный нуль. И так далее, в том же духе.

Что здесь можно сказать? — А повторить написанное выше: нам не дано знать все последующие ходы всемирной истории. Даже самые «крутые лбы», большеголовые по-западному, еще тридцать-сорок лет (а это для всемирной истории лишь краткий миг!) тому назад не могли предположить достоверно, что эта самая история выкинет такой фортель: социализм, как опередивший ход истории, упразднит, изживший себя капитализм утопит в мировых спекулятивных кризисах, а на их основах через жесткий глобализм начнет строить мировое, скорее всего социально ориентированное, государство.

* Иногда эти слова приписывают флорентийскому Николо Макиавелли, автору «Государя». Но это не соответствует истине.

...Как раз адекватная цель у соцреализма имелась, и это целеполагание делало движение русского советского литературного процесса осмысленным, а значит творчески насыщенным и прогрессивным.

А вот нам довелось справлять тризну по классическому русскому — и советскому — критическому реализму. Впервые за более чем 200-летнюю историю русской классической литературы она вроде как осталась без видимой цели, даже без туманных снов Веры Павловны... Само появление «Манифеста» — это осознание весьма тревожного факта, а именно того, что в последнюю четверть века движение русского литературного процесса если не застопорилось, то во всяком случае заплуталось. Какое же может быть целеполагание без цели? — Так и видится борода на ухмыляющемся лице Льва Давидовича...

Самое существенное, а может и знаковое, многозначительное — это полное отсутствие за этот же период даже робких попыток сформулировать новые цели движения русской литературы. Исключая выдвинутый в начале девяностых годов в восторге лихого первоначального накопления девиз полной и безоговорочной коммерциализации литературы. Но это для утешения дебилов, с одной стороны, и для допайка запиаренных сочинителей, с другой.

...Вот смотрит невзыскательный читатель из тех, кто еще не отдал себя полностью торговле бананами, на пестроцветье магазинных книжных полок и невольно представляется ему этакая махновщина. Редкими переизданиями осторожно идут живые классики — шестидесятники. Слева от них, размахивая красными флагами, нервической молодой рысью движутся новые писатели — комсомольцы. Справа же, как им и положено, белогвардейским маршем движутся одетые в потешные мундиры городских казаков писатели-монархисты. Фанаты забегают то вперед, то взад. Внушительная группа литераторов, от греха подальше переключившихся на древнюю историю, полукаре замыкают общее шествие. Но всех их время от времени лихо обгоняют на «мерсах» удачливые пиарщики и глянцевого поденщики. На руководящих и гостевых трибунах этого суматошного Гуляй-поля их сретают священнослужители всех канониче-

ских религий и даже шаманы с Чукотки и восяси* из-под Ижевска, оценивающе смотрят политтехнологи СМИ и партайвожди всех оттенков и цветов радуги на их стягах. Много и другого народу, не выпячиваясь, толпится на приветственных трибунах.

Абсурдно? — Но ведь движение без цели — это путь в никуда, что и есть абсурд по определению. Итог такого движения без цели, или с мельтешением мерцающих целей-фонариков,— уподобление библейским гадаринским свиньям...

Собственно говоря, «Манифест» в основном и посвящен, исключая его обширную историко-литературную преамбулу, пробному нащупыванию той цели, которая только и может придать новый импульс литературному процессу в рамках нового русского критического реализма. А тот факт, что современная отечественная словесность и русская литература в среднесрочной перспективе опять же по определению может сохранить свою самобытность и востребованность только в рамках метода критического реализма, настолько самоочевидны (см. «Манифест»), что не требует сколько-либо подробного растолковывания... или разжевывания для «особо одаренных».

Признаемся: в проекте «Манифеста» в разделе, касающемся определения цели движения современной русской литературы, само определение цели оказалось затенено терминологией, имеющей общесистемный эволюционный смысл: ноосфера, биосфера, человек ноосферный и пр. А из материалов дискуссии по проекту «Манифеста» — см. ссылку выше — выяснилось: последняя четверть века, учитывая полный развал науки и образования в России, в числе многих прочих свела к нулю и такой отечественный приоритет, как феномен века минувшего — великое учение В. И. Вернадского об изменении биогеохимической оболочки Земли и переходу биосферы в качество ноосферы, то есть сферы (оболочки) разума. А на Западе и вовсе прохладно относились к этой теории: ведь это не практика, не доллары-фунты-евро! Вот так наша планета и перешла на рубеже веков и тысячелетий в новое, ноосферное качество уже на практике, но при почти полном забвении тео-

* Языческий жрец, то есть тот же шаман, у удмуртов.

рии.* Поэтому дадим ниже расширенное определение цели движения современного русского литературного процесса в рамках метода критического реализма, используя каноническую терминологию.

Целью (далее опускаем родительную поясняющую часть: см. окончание предыдущего абзаца) является продолжение и дальнейшее развитие, в определенном смысле совершенствование, традиций русского, в том числе советского, критического реализма в реальных условиях социальной, политической, экономической и морально-этической специфики глобализма, как принципиально новой общественно-экономической формации, активно и динамично приходящей на смену прежнему двухполярному миру — сочетанию исторически исчерпавшего себя капитализма и опередившего свое время (метод пробных ходов общесистемной эволюции) социализма с «демпфирующим» третьим миром.

Названная цель реализуется решением комплекса взаимосвязанных задач. Более или менее адекватная формулировка этих задач возможна лишь на среднесрочный период — ориентировочно до середины сороковых годов нашего века. Учитывая реально наблюдаемое экспоненциальное ускорение исторического времени, период этот может быть снижен до срока конца тридцатых годов века. Для следующего временного периода требуется корректировка как цели, так и реализующих ее задач. Задачи на ближний среднесрочный период имеют как общемировую, так и национальную, российскую специфику.

Для отечественной литературы — с учетом обеих специфик — эти задачи можно сформулировать следующими.

«Сатана там правит бал, люди гибнут за металл». Пусть, уважаемый читатель, эти слова прозвучат в вашей музыкальной памяти в арии Мефистофеля из «Фауста» Шарля Гуно. Это, как говорят современные музыковеды, гимн грядущему апокалипсису.

* Теория В. И. Вернадского изложена в многих изданиях его работ; см., например, книгу: Вернадский В. И. Биосфера и ноосфера.— М.: Айрис-пресс, 2004.— 576 с. (Серия «Библиотека истории и культуры»). С учетом современного уровня знания концептуальная теория ноосферы изложена в 9-томной монографии А. А. Яшина «Живая материя и феноменология ноосферы» (М.: Изд-во ЛКИ/URSS, 2007—2011). См. информацию на сайте изд-ва: <http://URSS.ru>.

Отсюда и первая задача, даже — сверхзадача современного русского писателя-реалиста: протест против безудержной жажды накопительства и потребительства современного человека. Заметим, что это суть биологический атавизм для современного человека, но атавизм, вознесенный на «горный престол» духа и живота европейским протестантизмом Лютера, но более всего Кальвина. Настолько высоко вознесенным, что за всю новую и новейшую историю, включая нашу современность, реалистическая литература Запада, особенно США, даже в лучших своих образцах воспринимала это как должное. По сути же — антихристианское; вспомните притчу о верблюде и игольном ушке...

Русской литературе здесь почти что повезло. Во-первых, в русском каноническом православии не было никогда протестантизма. Раскол Никона — именно он де-юре был «раскольником», а не протопоп Аввакум с боярыней Морозовой — был всего лишь сугубой государственно-политической акцией, равно как и нежизнеспособные движения обновленцев и живогерковцев 20-х годов прошлого века на заре Советской власти. Это очень серьезный момент, ибо не были за всю тысячелетнюю историю страны нарушены каноны христианства — религии духа и презрения к мамоне.

Во-вторых, едва начавшаяся в России капитализация была резко остановлена Великой Октябрьской социалистической революцией — не «переворотом», как сейчас внушают слабоумные наши СМИ... То есть и с этой стороны на литературный процесс, как и в XIX, так и особенно в XX веках, не имелось давления частнособственнической морали и этики.

Наконец, наблюдаемое нами в России 1990—2000-х гг. взрывообразное возрождение и нагнетание этого биологического атавизма суть процесс искусственный, начатый и всемерно поощряемый властью. Но порожденное им, процессом, еще невиданное в мире классовое, имущественное (о духе и интеллекте здесь и речи идти не может) расслоение дает реалистическому литературному процессу огромные возможности для решения поставленной выше задачи. Учитывая, что сейчас основная «читательская нагрузка» оказалась на головах среднестарших поколений, которые суть наиболее образованы, являются средоточием интеллекта страны, сохраняя лучшие

национальные черты и интуитивно будучи приверженцами этики и морали социально ориентированного характера. Проще говоря: наследниками духа своих ближних и дальних пращуров.

...Сатана тоже правит свой бал в части обездуховленности современного человека. Поэтому вторая по важности задача — противодействие этому опустошительному процессу, который в новейшей социологии называется расчеловечением. Словно эволюция *homo sapiens* пошла вспять. — Как на той известной карикатуре, где обезьяна постепенно распрямляется, превращаясь в человека, а далее уже человек, постепенно нагибаясь, вновь обретает черты нашего славного палеопредка... Здесь мы отсылаем нашего читателя к соответствующему разделу проекта «Манифеста», хотя наиболее зримые черты такого расчеловеченья у всех перед глазами; ушами тоже.

...Не станем детализировать эти две главнейшие задачи и вытекающие из них. Это тема дальнейшего, более конкретного рассмотрения — в том числе и по преимуществу на страницах нашего журнала. Заметим только, что плодотворное движение современного русского литературного процесса к означенной цели есть занятие архитрудное, со многими препятствиями, долговременное. Но — это ведь составная часть движения самой истории. И как бы она ни ускорялась в соответствии с действенностью общественных законов эволюции человека, но все, как говорится, время покажет. Двигаться же без цели — прямым шагом шагать в никуда.

...Планируя продолжение начатой темы, в следующем номере «Приокских зорь», возможно в «Колонке главного редактора», обсудим злободневный вопрос о соотношении «бумажной» и «компьютерной» литературы.

ЧТО НАПИСАНО ПЕРОМ...
«Бумажная» и «компьютерная» литература
в свете психолингвистики

◆ Как мы и обещали в «Рубрике...» предыдущего номера журнала («ПЭ» № 1, 2012), ниже мы обратимся к актуальному вопросу о соотношении «бумажной» и «электронной» (далее без кавычек) литературы. Первостепенно мы имеем в виду художественную литературу, отчасти — литературную публицистику.

При всей, повторимся, актуальности этого вопроса* сколь-либо серьезного анализа его не проводилось — ни в масс-медиа, ни в серьезной, специальной литературе. К тому же, если СМИ и касаются данной тематики, то затрагивается исключительно внешний аспект: электронная, то есть интернетовская, форма распространения и чтения произведений литературы. Да и тот с резонерскими выводами: дескать, прогресс не остановишь, все уже привыкли к Интернету и домашнему «компу», все это проще и дешевле, чем бумагу переводить, на почтовые расходы тратиться, книги-журналы покупать и захламывать ими квартиру... и прочие благоглупости. Удивляться здесь нечему; законы социальной психологии неумолимы: только восемь процентов людей, независимо от пола, национальности, образования и пр., способны к самостоятельному (анализ + синтез) мышлению. Остальные девяносто два — ведомые теми же СМИ, в которых бал правит мощнейшее лобби транснациональных телекоммуникационных корпораций. Ниже мы вернемся к этому аспекту.

...Но совсем редки, практически отсутствуют суждения по важнейшей составляющей соотношения «бумажная и электронная литература», а именно: произведения художественной литературы, создаваемые автором по традициям и канонам традиционной книжно-журнальной литературы, и произведения, ориентируемые автором преимущественно или исключительно на Интернет.

* Учитывая злободневность данной темы, настоятельно рекомендуем всем читателям «ПЭ», а в особенности литераторам, ознакомиться с настоящим материалом и принять участие в дискуссии, объявляемой журналом — по образцу прошлогодней дискуссии (см. № 4, 2011 «ПЭ») по проекту «Манифест нового русского критического реализма».

Заметим в данном контексте, что и первый, традиционный вид литературы использует электронные ресурсы, но только, или преимущественно, в качестве дополняющего книжно-журнальные издания, либо же как возможность популяризации своих произведений — что особенно характерно для современной России, — учитывая реальные крохотные тиражи бумажных изданий: нет больших средств на тиражирование, разрушена всероссийская (ранее — все-союзная) информационная и книготорговая сеть и так далее.

Но при всем этом для нашего времени характерен феномен существования и все большего отдаления друг от друга двух форм литературы: бумажной и электронной.

◆ Оба охарактеризованные выше аспекта феномена взаимосвязаны, но вернемся к первому из них.

Прогресс, конечно, не остановишь. Тем более сейчас, когда на наших глазах сбылось гениальное предвидение великого русского и советского ученого Владимира Ивановича Вернадского о грядущем (свою теорию он создавал в 20—30-е годы минувшего века) переходе биосферы Земли в принципиально новую биогеохимическую оболочку — ноосферу, то есть сферу разума.*

Действительно, прослеживая средства письменности за весь период цивилизации и культуры, то есть со времен Древних Египта, Вавилона, Китая, Индии и древних южно-американских цивилизаций, мы четко представляем этот прогресс.

Перуанское узловое письмо (веревочные узелки на тростиноснове), иероглифы Древнего Египта и сохранившие свой статус до нашего времени иероглифы Древнего Китая, заимствованные япон-

* Современная концепция ноосферы на научном уровне, включая роль телекоммуникаций, разработана в пятитомной серии книг А. А. Яшина. Первые два тома под названием «Феноменология ноосферы: Предтеча ноосферы» изданы в 2010 г. в московском издательстве URSS (см. информацию на сайте <http://URSS.ru>); следующие два тома готовятся к изданию под названием «Теория ноосферы: логика, физика, космология» в Германии (на русском языке в издательстве «LAP Vamber Academic Publishing GmbH & Co KG». Заключительный, пятый том готовится автором также для издания в Германии. Почему не в России? К сожалению, число читающих научную литературу в нашем отечестве сейчас сведено почти к абсолютному нулю...

цами,— это первописьменность человечества. С появлением финикийской азбуки, азбук деванагари в Индии и Месропа Маштоца в Древней Армении, уйгурского, корейского (по начертанию букв его часто принимают за иероглифы...), позднее — арабского алфавитов техника письма сделала качественный скачок в сторону упрощения процесса письма, его ускорения, а главное — алфавитная письменность приобрела аутентичную семантику. Смысл термина понятен; ограниченность объема «Рубрики...» не позволяет расписывать ее подробно.

Второй качественный скачок, правильное — гигантский прыжок, относится к европейскому позднему Средневековью, когда ювелир из Майнца (Германия) Иоганн Геннсфляйш Гуттенберг изобрел книгопечатание. И хотя еще в Древнем Китае использовалось механическое тиражирование — шелкография, а в Древней Индии печатание с деревянных досок с вырезанными на них санскритскими текстами, но Гуттенберг ввел принципиально новое: печатание с использованием наборных литер и на бумагу — дешевый универсальный носитель, идеально подходивший для переплета в многостраничные книги.

Параллельно совершенствовались и орудия авторского труда: от письма на папирусе и пергаменте стилем — остро отточенной палочкой, вырисовыванием текстов на глине, высеканием на мягком камне, новгородского берестяного письма — к писанию на бумаге гусиным пером, далее — появление в обиходе стальных перьев и железисто-галлусовых чернил. Еще далее — американские изобретения XIX века: авторучка и «ундервуд». В этом ряду появление в обиходе компьютера, используемого в качестве инструмента набора, есть лишь усовершенствование печатной машинки: возможность исправления ошибок набора и корректировки набранного текста.

◆ Следует отметить, что письмо с древности является искусством, а в любом искусстве творящий его стремится, среди прочего, усилить эстетическую сторону. Так и в алфавитах, отчасти и в иероглифическом письме, в их каноническом оформлении определяющую роль исторически сыграли два фактора: исходный материал носителя и эстетика оформления текстов.

Вавилонская кампания и кельтские рунические символы имеют

форму знаков, свидетельствующие: их наносили вдавливанием (глиняные таблички Хаммурапи) или высекали на камне, как у древних кельтов. Но древние вавилоняне и кельты далеки от нас по времени и расстоянию. Возьмем бывшие наши Грузию и Армению. Их своеобразные алфавиты по внешнему виду не спутаешь. Грузинские буквы — плавно начертанные, изобилующие овалами и полуокружностями. Армянские — алфавит Маштоца — напротив, чем-то напоминают рунические письмена: никаких плавных овалов, напротив, преобладание вертикальных черт с резкими изломами.

...А все потому, что грузинская письменность изначально ориентировалась на мягкие носители, тот же пергамент. А на древних армянских хачкарах надписи высекались на твердых породах камня.

Египетская пиктографическая иероглифогрфия носителями имела папирус, роспись на каменных плитах и высекание на мягком известняке. Поэтому древнеегипетские письмена, особенно времен фараоновых династий, почти что мелкодетальные живописные полотна.

То есть уже древние исполнители текстов, зачастую они же и авторы, даже при работе с самыми твердыми носителями во многом руководствовались эстетическими побуждениями. А в Древнем Китае и вовсе возникло и развилось искусство каллиграфии — эстетики письма, достигшее своего совершенства в арабской письменности во времена халифата.

Те же элементы эстетики видим и в других древних алфавитах: арамейском (современный иврит), уйгурском, индийском, индокитайских.

Основа европейских алфавитов — финикийский имел выигрышные стороны: оптимальное сочетание простоты, необходимой толики эстетики-каллиграфии, главное — обладал фонетической вариабельностью, то есть обеспечивал фонетико-семантическую идентичность для основных языков Средиземноморья. Он же лег в основу греческого алфавита.

Прямота, предельная ясность и логика римского менталитета (извиняемся за современный новояз) «выпрямила» округлые греческие буквы: меднозвучная латынь получила рубленную латиницу.

А вот Кирилл и Мефодий создали славянский алфавит, в полной мере сохранив эстетику греческих букв.

...Кстати, восхваляя «по табельным дням» заслуги братьев в части создания славянской азбуки, совершенно забывают о **гениальности** этого алфавита!

◆ Когда размышляешь об этой гениальности, то даже научному креационисту, как ваш покорный слуга, приходит в голову мысль о божественном вдохновении Кирилла и Мефодия. Все дело в том, что их алфавит абсолютно фонетически аутентичен не только **всем** славянским языкам — восточным, западным, южным, северным (новгородское и поморское наречия), но и большинству индоевропейских, тюркских, монголо-уйгурских, дальневосточных языков, то есть относящихся к самым различным этноязычным группам.

Два характерных примера. Кому доводилось видеть современные тексты на языках тех славян, кто вместе с католичеством приняли и латиницу — поляки, чехи, словаки, хорваты, словенцы, — тот сразу обратил внимание, что латинская азбука абсолютно неадекватна фонетически этим языкам: почти каждая гласная буква имеет надчеркивания, тильды и другие значки, а свойственные особенно польскому и чешскому языкам шипящие фонемы записываются каждая двумя-тремя-четырьмя согласными латинскими буквицами...

Кстати, также фонетически неадекватна латиница и для языков германской группы. Известная присказка: пишем Манчестер, читаем — Ливерпуль.

А вот для славянских языков, где принята кириллица, все фонемы «укладываются» в одну букву и практически отсутствуют дополнительные значки над гласными буквами. В русской азбуке — это только «и-краткое»; что касается введенной Н. М. Карамзиным буквы «ё», то, как не только мы считаем, Николай Михайлович сделал России два больших вреда: во-первых, переписал русскую историю в угоду династии Романовых, чем ее сильно исказил; во-вторых, введением ё — фонема которой присуща только поморскому диалекту русского языка, — он исказил его московский говор, то есть бытовой и литературный языки. Не зря же до начала XXI века литеры эта в печатных текстах не использовалась.

...Пометка для авторов «ПЗ»: в нашем журнале литеры мы не используем.

Пожалуй, только в современном украинском языке «по Гру-

шевскому» в алфавите имеются два варианта латинского «i» с одной и двумя точками поверху.

Кстати говоря, в Чехии кириллица использовалась наряду с латиницей до середины XIX века — явно не в пользу последней...

Второй пример фонетической универсальности кириллицы — это перевод в 20—30-х годах прошлого века на нее всех ста с лишним языков народов СССР, исключая грузинский и армянский, а с 1940-го года — прибалтийских. И что же? — А эффект тот же: практически полное соответствие кириллицы фонетическому строю всех этих языков, принадлежащих к совершенно различным, бесконечно далеким друг от друга языковым группам.

...Бытует в среде профессиональных языковедов притча: если японцы в конце концов решатся перейти от иероглифов к алфавиту, то этой азбукой будет «Аз-буки-веди-глаголь-добро...»

Это не русское шапкозакидательство. Просто получилось исторически так, что фонетически тунгусские языки, то есть собственно сибирский тунгусский и японский, идентичны языку русскому. Такова игра совпадений. Поэтому японцы, знающие русский язык, говорят на нем без акцента и наоборот.

◆ Еще немного терпения — и мы перейдем к основной теме «Рубрики...» Хотя бы все выше написанное и служит введением в эту тематику.

Как мы уже говорили, исторически процесс авторского, литературного в первую очередь, письма всегда имел сильную эстетическую составляющую. Но то же самое относилось и к процессу чтения.

С самого появления сброшюрованных, а потом и печатных книг, последние оформлялись как произведение искусства. Не зря же до начала XX века книги в России и вообще в мире «выходили» из типографий в виде переплетенных блоков с неразрезанными печатными листами (тетрадами) в чисто служебных мягких обложках. То есть являли собой брошюры — полуфабрикат.

Это имело свой смысл: каждый купивший такой «полуфабрикат» далее относил его в переплетную мастерскую, где книгу «доводили до ума», учитывая эстетические вкусы (и кошелек, конечно!) заказчика. Книгу переплетали, сшивая типографские тетради в

единое целое и одевали в твердый переплет: от дешевого картона с бумажной оберткой до шелкового или сафьянового с золотым тиснением.

Но точно также учитывалась и эстетика печатания самих текстов, то есть эстетика шрифтов, более того — эстетика алфавитов. Опять же примеры исторического характера.

Рубленая римская латиница содержала в себе эстетики не более, чем сапог и прямой короткий меч воина-легионера. Поэтому появился готический алфавит — витиевато разукрашенная латиница. — Только из побуждений удовлетворения эстетических чувств читающих.

В «правопреемнице» рухнувшей Римской империи — в Священной Римской империи германской нации готический алфавит стал государственным, распространившись почти на всю Западную Европу. Еще до начала XX века книги в Германии печатались как латиницей, так и готическим алфавитом. В двадцатом веке на короткое время готика возродилась в Третьем рейхе.

...Сейчас же готические буквы можно увидеть лишь в названиях некоторых газет «со стажем» Англии и США.

Аналогичное было и с кириллицей. В *pendant** ей очень скоро появилась и глаголица — такой же витиевато, искусно (и искусственно!) разукрашенный вариант азбуки Кирилла и Мефодия. Сейчас глаголица напрочь забыта, знакома только историкам-архивистам, историкам православной церкви.

...Самое существенное, что как в церковной, так и в светской письменности на Руси глаголица в «чистом» ее виде не использовалась, а перемежалась с собственно кириллицей, подчиняясь принятым стилям письма, прежде всего устав и полуустав.

В гражданском обиходе глаголицу и устав с полууставом пресек Петр Первый, максимально приблизив кириллицу к столь любимой им рубленой латинице. А реформы графа Уварова в XIX веке и Наркомпроса РСФСР 1918-го года (кстати, подготовленные еще до революции...) изъяли из кириллицы последние «витиеватые» греческие буквы. В русской церковной письменности, в

* В дополнение (фр.).

книгах элементов глаголицы, устава и полуустава придерживались до второй половины позапрошлого века, до появления 1-го синоидального издания Библии на современном русском языке, напечатанное «петровской» кириллицей.

Третий пример эстетического «украшательства» — это великолепная арабская каллиграфия, прежде всего времен халифатов. Побудительным мотивом здесь послужил запрет ислама на изображение живых тварей. Человека — в первую очередь.

Также нелишним будет заметить, что эстетика чтения усиливалась тем, что до XVI века книги читались вслух, даже если читающий и находился сам-один. На читающего же молча смотрели с недоумением и подозрением.

А на Руси с ее доброй исторической традицией писания доносов и вовсе наличествовала присказка (кажется, она есть и у Афанасьева): «Читает молча, как клязу!»

...А говорят: во всем Сталин виноват. Хотя и здесь бытует анекдот. Беседует один московский интеллигент с другим: «А знаете, я доказал на основании многих источников — кто виноват в гибели Лермонтова». — Ответ: «Чего здесь доказывать! И так ясно: Сталин виноват».*

Академик же Янин, изучая новгородские берестяные грамоты, обнаружил, что большинство из них суть судебные кляузы и доносы... И у рекламного народа-богоносца достаточно своих «пунктиков».

◆ Как говорится: все теплее и теплее, ближе к теме. Обратимся к одному, но важному аспекту личностной психологии человека, что нам потребуется «держать в уме» дальше. Речь пойдет о явлении **гедонизма**.

В биоценозе, то есть в биологическом, живом мире в числе открытых Ламарком, Дарвином и другими гигантами мысли законов действует и принцип минимизации, то есть экономии расхода энергии организма. Так кошачьи, прежде всего тигр и кот Васька,

* Сборником аналогичных анекдотов являются многие тома полного собрания трудов одного известного нашего сочинителя... Впрочем, далеко не его одного.

круглые сутки спят, просыпаясь только для акта жратвы. Так они экономят энергию своих организмов.

Дворовый же Шарик тоже не прочь подремать минуток шестьсот, лицемерно изображая активность — начинает бегать, вертеть хвостом, воинственно произносить «гав-гав» — только при появлении хозяина, а еще лучше — хозяйки со вчерашними щами с мясом. И так далее — от микроскопических бактерий до наших предков-шимпанзе. Это по Дарвину.

А вот вершина эволюции — человек, как организм соображающий, этот общебиологический закон переиначил в качество гедонизма, то есть максимальное извлечение удовольствий жизни при минимуме физических, а главное — умственных затрат.

Наивысшая степень гедонизма исторически сформировалась у нашего доброго народа. Называется она ленью, а появилась из-за долгих морозных и снежных зим, когда дел по хозяйству почти никаких, темнеет рано. Остается только спать на лежанке тепло протопленной печи да увеличивать свое потомство... В последнем, конечно, ничего плохого нет.

Потому в русском фольклоре самый умный из братьев всегда Иван-дурак, что не слезает с печи даже во время визита в царский дворец.

Рассуждая здраво, в таком гедонизме — сезонной лени ничего предосудительного нет. Это только для пользы организма человека и, как сейчас говорят, окружающей среды.*

Современный гедонизм, испытавший на рубеже веков и тысячелетий невиданный ранее «качественный» скачок, характеризуется двумя основными факторами.

Во-первых, гедонизм имеет мощнейшую подпитку в капитали-

* Когда я слышу бесконечно повторяемый в СМИ термин «плохая экология», то рука непроизвольно тянется к отсутствующему на ремне кортику. Экология (эко + логия) — это наука о состоянии окружающей нас биосферной среды с позиций воздействия этой среды на живой организм, человека в том числе. То есть говорить «плохая экология» — все одно, что произносить: «плохая математика», «плохая астрономия» и так далее.

Господи! Во что превратили великий и могучий современные, органически безграмотные СМИ!

стическом обществе потребления и навязывания потребителям совершенно не нужных им «гедонических штучек», гэджиков — по современной (молодежной) терминологии. А поскольку сейчас, в эпоху глобализма, капиталистическая формация правит свой «последний и решительный» бал, то весь мир вновь стал капиталистическим обществом потребления. Куба мала, а современный Китай трудно назвать социалистическим.

Во-вторых, за современную, очень высокую степень гедонизма человек расплачивается (бесплатный сыр только в мышеловках...) своим здоровьем и — особенно — значительной утратой человеческих качеств высшей психической деятельности — тех, что в обычной речи мы называем душевными и умственными.

О телекоммуникационных (интернетовских) аспектах гедонизма речь пойдет далее, а сейчас для характерного примера рассмотрим мобильную связь.

...Как и все гедонические гэджики, мобильная, изначально просто сотовая, связь создавалась как необходимое дополнение к базовой, проводной (кабельной) и спутниковой телефонной связи.

Имелось в виду, что сеть сотовых станций оптимальна для территорий, где названные выше виды телефонной связи экономически нерентабельны: сложный рельеф местности, относительно небольшая плотность населения, проживающего в малочисленных, разделенных расстояниями поселениях и пр. При этом связь вовсе не предполагалась мобильной: просто у пользователей проводной телефонный аппарат заменялся на (стационарный) радиотелефон. Вот и все отличие.

◆ Для апробирования сотовой связи хорошо подходила Финляндия с ее достаточно большой территорией, ландшафтом, рассеянным по хуторам населением (вспомните замечательный советско-финский фильм «За спичками» с Леоновым в главной роли!). Именно в Финляндии появилась и одна из первых фирм по разработке и производству техники сотовой связи — «Nokia». И аппараты сотовой связи по размеру соответствовали обычным телефонным трубкам.

...Опять же вспомните как на ТВ 90-х годов показывают гостящего в Финляндии Ельцина, что звонит по такой трубке в Мо-

скву Наине Иосифовне. И в сериалах тех лет братки собирают коллег на «стрелку» по таким же «трубам». Такую телефонную связь трудно назвать мобильной...

На этом разумное дополнение обычной проводной связи закончилось. Далее процесс пошел по законам общества потребления и навязывания ненужных услуг. Это уже наши дни. Причем, рассуждая здраво, 90...95% пользователям современной мобильной связи она ... совершенно не нужна. Это уже чистой воды гедонизм и обогащение держателей и производителей средств этой связи.

Вред же существенный и все возрастающий. Это и «мобильная зависимость», трата денег, а главное — создание угрожающей здоровью человека электромагнитной засоренности окружающего эфира. В научной литературе это именуется «электромагнитной катастрофой».

...А ведь и Интернет, судя по всему, изначально создавался в самом конце «холодной войны» как средство сохранения всеобъемлющей информации на случай мировой ядерной войны. Полагалось, что после ядерной катастрофы человечеству не придется начинать с изобретения велосипеда: что-то да останется на серверах и компьютерах там, где не взрывались атомные и водородные бомбы. Нейтронные тож.

А потом... см. выше. Проявился сверхмонстр гедонического гэд-жика, окончательно повредившего психику и здоровье человечества.

А вот сейчас перейдем к основной нашей теме, имея в уме все сказанное выше.

◆ Наш журнал, как, надеемся, хорошо усвоили авторы «Приокских зорь», не принимает и не рассматривает материалы, присланные по электронной почте. Так же точно поступают и серьезные литературные журналы России и Европы. Об Америке, то есть США, данных у нас нет.

Это не прихоть, не издевательство над авторами, не «совковое ретроградство», как иногда нас упрекают наиболее горячие молодые авторы, присылая свой «продукт электронной литературы», например, двухтомный роман о специфике морфологии фактологических ящеров (это не юмор, а факт из редакционной почты...)

Это всего лишь способ, правда, достаточно эффективный, от-

делить зерна от плевел, то есть собственно литературу от ее электронного, компьютерного эрзаца. Сказать — эквивалента, язык не поворачивается.

Вообще говоря, при наличии полноформатной технической редакции, которой у нас, как и у многих других «толстых» журналов, сейчас нет, отличить литературу и компьютерную литературу, присылаемые по электронной почте, при определенном опыте работы можно.

Если вам присылают романы о морфологии фантастических ящеров, коллективные сочинения, стостраничные поэмы юных дарований о средневековой замковой жизни — это однозначно компьютерная литература.

Она же фиксируется и по содержанию сопроводительных писем авторов: либо оные вообще отсутствуют, либо не содержат обращения — кому и зачем посылается... наконец, это «стрельба веером», то есть в адресном заголовке сопроводительного письма означены десять-двадцать-тридцать адресов наиболее известных «толстых» литературных журналов.

«Компьютерщики», как правило, ненавязчивые. Не получив ответа, они больше не пристают — за исключением ведущих веерную стрельбу.

Когда же, как то принято в «ПЭ», посылаешь им правила оформления и представления материалов для (возможного) опубликования, то наиболее наивные обижаются: дескать, высылать по «бумажной» почте свои творения несовременно, хлопотно и дорого, а «у меня дома интернетовская «безлимитка» за 600 рублей в год...»

Еще литкомпьютерщик узнается по полному несоблюдению правил журнала: не прилагается фото автора и автобио справка, адреса и телефоны и пр. И вообще представители этой формы творческого самовыражения исповедуют артиллерийский закон: выстрелил и забыл!

Кстати, ворчат по поводу невозможности представления материалов через Интернет и некоторые авторы традиционно понимаемой литературы. Как правило — это сибиряки и бывшие наши соотечественники на ПМЖ за рубежом. Последние быстро с рус-

своей широты переучились на западный стиль экономии на спичках. Забыли, что в русскую свою бытность для экономии этих спичек почти круглосуточно держали зажженным фитиль в своей кухонной колонке...

И еще одна существенная, антигедоническая польза «бумажной» почты: если автор сомневается в «литературной товарности» своего произведения, требующей доделки, проверки на грамотность и пр., он прикинет: а стоит ли тратить время и деньги на «бумпочту»? Зато если уверен в своем детище, то оформит рукопись строго по правилам, в пургу дойдет до почты, заплатит за заказную бандероль. — А на душе покой и уверенность. Это все из семилетнего опыта главного редактора.

◆ А теперь о вещах серьезных. Строго логически, без эмоций, рассуждая, первыми писательскими гедоническими гаджетами стали авторучка и «ундервуд» — последний тогда, когда автор сам сел за машинку и начал сочинять, минуя этап ручного письма.

Не иронизируй, скептик-читатель! Наверняка за последние сто с лишним лет в дотошной научной Германии написана не одна диссертация* на тему: как изменился характер литературного письма после появления авторучек?

Но — ведь действительно изменился. Подумав, каждый (самодостаточно мыслящий) человек ответит утвердительно.

По сравнению с письмом гусиным или стальным пером, авторучка увеличила скорость записи. С одной стороны, это даже очень хорошо, особенно для литературных поденщиков, а пуще всего — для акул пера, то есть журналистов. Публицистов и научных работников тоже.

А для писателя? — Позвольте усомниться, ибо возможность безостановочного, без обмакивания пера в чернильницу, письма по принципу обратной связи начинает дозвезд над пишущим, торопит поскорее завершить трехтомный роман «Бурный поток» — сейчас: «Будни фермера Федора». И супруга не нарадуется: так и отлетают исписанные «паркером» листки; хвалит своего безлошадного

* Как говорил наш выдающийся ученый Тимофеев-Ресовский, не надо делать то, что все равно сделают дотошные немцы...

муженька: «Молодец, Федя. Так ты не одну книжку тонкую будешь раз в два года издавать, а три полновесных тома в один год! Тебе с гонорариев справим новый галстук, а я и соболиной шубкой обойдусь».

За Федю и особенно его супругу можно только порадоваться, но самодовлеющая скорость письма без технических пауз не позволяет отточить рифму, подобрать более удачную аллитерацию, более выпукло обрисовать характер героя...

И нет того счастливого момента, когда литератор обмакнет в чернильницу свое перо, а на кончик его усядется муха. Известно, что мухи очень падки на чернила. Как органического происхождения из чернильных орешков, так и немецкого химического, то есть железисто-галлусовые.

И, глядя на муху, придет он к образу, обессмертившему его имя: «Быть или не быть, вот в чем вопрос». Или архигениальное: «Морозной пылью серебрится его бобровый воротник».

...А вот пишущая машинка, как рабочий инструмент автора, это уже прелюдия к компьютерной литературе.

Именно на этапе освоения пишмашинки впервые доселе аналоговое мышление писателя отчасти приобретает дискретный характер.

Уже и без дотошных немецких диссертантов опытный читатель-аналитик редко ошибется: сочинял ли свое произведение автор рукописно или стуча по клавишам машинки. Это ситуация, когда несколько обесцвечивается образность, создается — у читателя — впечатление, что простору мысли автора уж слишком тесно в словах. Наконец, это изобилие диалогов. Современная «кассовая» литература и вовсе состоит из одних диалогов, ибо пишется как готовый сценарий для сериалов, сплошь состоящих из «говорящих голов».

От вам и «ундервуд»!

◆ Конечно, авторучка, особенно «паркер» и ручки советского производства, в которых чернила на перо не высыхали, коль скоро автор задумается над крутым изгибом сюжетной линии, почти (что не считается...) не повлияла на усредненное качество литературы. Но пишущая машинка, как рабочий инструмент автора-первопечатника, кроме указанных выше, нанесла, существенно снизила творческий потенциал автора, лишив его такого важного для литератора

качества, как **мнемоническая память**, то есть компонент общей памяти, обусловленный движением руки при записи текста рукой же. Психофизиологические и психолингвистические моменты пояснять не будем, только отметим, что существует специальная научная дисциплина **мнемоника**, в числе прочего объясняющая и эффект мнемонической памяти при ручном письме.

Кстати, во многом учитывая этот эффект, в высшей школе, начиная со средневековых европейских университетов (Салерно, Болонья, Сорбонна и др.) и вплоть до наших дней, студенты — даже обладающие хорошей памятью — записывают лекции преподавателей.

Поэтому заметное снижение качества высшего образования, например, в нынешней России, во многом связано с тем, что, следуя указаниям Минобразования о скорейшем внедрении в учебный процесс современных компьютерных технологий, вместо записывания лекций студенты чаще рассматривают картинки на экране. Это авторитетное мнение профессора университета...

Компьютер, ныне используемый авторами в качестве пишущей машинки, имеет даже некоторые преимущества — с точки зрения писателя — по сравнению с «ундервудом», а именно: возможность поправлять, исправлять, дополнять и вообще корректировать набираемый текст.

При всем сказанном выше, ни пишмашинка, ни компьютер для набора в общем-то не повлияли на конечный продукт писательского творчества. Разве что ликвидация мнемонической памяти, которая очень важна для прозаиков, работающих в крупных жанрах: роман, повесть. В меньшей степени это относится к рассказчикам и поэтам.

Собственно мнемоническая память, то есть «механическая» память ручного письма, сформировавшаяся у человека за относительно короткий период цивилизации и культуры, во многом стимулирует собственно память, особенно правого полушария головного мозга — для литератора, позволяя «держать в голове» в целом и в деталях все многоплановое панно сюжета и характеристики действующих персонажей.

Отсутствие фактора мнемонической памяти, во-первых, снижает художественность произведения, а во-вторых, в качестве ком-

пенсации требует от автора напряжения памяти левого полушария головного мозга и — особенно — оперативной памяти.

Не такой уж он и простой — «ундервуд». Это уже начальный гедонизм литератора, ибо любому прогрессу он всегда сопутствует. Человечество в целом, по крайней мере 92 % его численности (см. выше), приветствует прогресс и будет способствовать его росту даже тогда, когда человек перестает быть индивидуальностью в привычном понимании этого определения. О такой ситуации — окончание развиваемой нами темы.

◆ Сам по себе компьютер как инструмент первопечатания текста и Интернет, как средство пересылки текста, лишь несколько понизив общую степень художественности, в целом не изменили характер традиционной литературы. Появление альтернативной ей компьютерной литературы связано с погружением современного человека в виртуальный мир Интернета. Отъединяясь от реального мира, такой человек замыкается в виртуальном телекоммуникационном пространстве. А виртуальный литератор, создатель компьютерной литературы, полностью отрывается от реальности, вступая в примитивный, обедненный и обезличенный виртуальный мир.

...Сразу вспоминаю годы учебы в Литинституте. Тогда существовала только традиционная литература, но умные наши наставники по наитию не уставали нам повторять: нельзя писателю замыкаться в пространстве, времени, действии и пр.

Кажется, Владимир Иванович Гусев, ныне профессор Литинститута и один из руководителей Московской городской организации Союза писателей России, наставлял нас: всматривайтесь в окружающую вас жизнь; тем более — вы заочники, значит и так живете, работаете в гуще этой самой жизни. Не уподобляйтесь «дневникам», что засели в уютном литинститутском общежитии... Вот читаешь их творения, а там одна задумчивая переписка между обитателями третьего и четвертого этажа...

Виртуальный электронный мир распространил эти этажи на весь мир... «Человек компьютерный» в значительной мере, почти принципиально, отличается от исторически традиционного *homo sapiens*: он живет уже не в реальном мире с его радостями и невзгодами, борениями и страстями, а в ограниченной «кубатуре»

вымышленного мира, где скудоумная виртуальная фантазия практически не имеет опоры на реальный мир вещей и процессов (см. ссылку выше на монографию А. А. Яшина). А интернетовская, компьютерная литература становится лишь слабейшим отголоском художественной литературы, понимаемой в традиционном смысле. Отсюда и романы о морфологии фантастических ящеров...

Словом, переговоры между третьим и четвертым этажами, ибо, как мы знаем, еще со времен древнеегипетских папирусов и античной драмы однозначно следует: художественность, прежде всего литературная, есть отображение реального мира.

Теперь разберем по пунктам.

◆ Эстетика письма и чтения — здесь и говорить не о чем. Эстетическая составляющая у виртуального, компьютерного письма и читателя с экрана монитора отсутствует. Все то богатство исторически накопленных форм ее, о чем мы столь подробно говорили выше, осталось для компьютерной литературы втуне. Само чтение художественной литературы с экрана есть, в основном, считывание информации, в то время как литература тем и отличается от служебных текстов, что она является источником не утилитарной, но эстетической информации. Термин несколько неверен, но смысл его понятен...

Напрочь исчезают в виртуальной литературе даже такие эстетические составляющие, как юмор и широко понимаемая двусмысленность, оживляющие текст.

Это видно даже не по такой литературе, а в обыденности, в общении с представителями (молодых) поколений, выросших в эпоху Интернета. Они напрочь не понимают юмор, даже анекдоты.

...Как то принято в профессорско-преподавательской среде, и я стараюсь разнообразить (снятие напряжения) свои лекции студентам-медикам благопристойными анекдотами. Опять же поучительными — на медицинскую тему. И что я вижу в ответ: полное непонимание, молчание и оловянное выражение глаз. И еще — позрение.

«Нулевая» эстетика компьютерных авторов и читателей — это тот сигнал, что свидетельствует о расхождении традиционной и компьютерной литературы.

◆ С позиций герменевтики* компьютерная литература есть грустное зрелище, ибо напрочь лишена того качества, которое в литературоведении принято называть творческим соучастием читателя. Имеется в виду тот сознаваемый или явно несознаваемый читателем подтекст литературного произведения, заложенный талантливый авторов осознанно, а гениальным — неосознанно, на уровне работы его подсознания. Опытный, естественно и думающий, читатель прекрасно понимает: истинно художественная литература — это не копия образов и процессов реального мира, но его художественное перевоплощение и обобщение, целью которого является «принуждение» читателя к осмысливанию его произведения.

За примерами такой литературы далеко ходить не надо. Евангелие — любое из канонических от Матфея, Иоанна, Марка, Луки, апокрифические евангелия от Филиппа и других греческих авторов, — и вообще вся книга Нового Завета написана иносказательно. В отличие от сюжетно-понятийного Ветхого Завета.

Ибо цель и сверхзадача Нового Завета — заставить читающего его понять и воспринять сущность христианского учения сопереживанием Христу и его апостолам, прежде всего Петру и Павлу. А этого можно достичь иносказательностью текста, своего рода шифровкой. Только приложив немалые усилия ума и, как принято говорить, души, за такой иносказательностью адепт христианства воспринимает сущность учения Христа и его подвига.

...Вот почему все многочисленные попытки «прямого» пересказа евангелий, их адаптации и пр. не имели и не могли иметь успеха.

К сожалению, даже такой титан художественной мысли, как Лев Толстой, не смог понять этого, создавая свой «Перевод и соединение четырех евангелий» и «Евангелие для детей».

Шекспир, столь нелюбимый Толстым, второй характерный пример. Здесь достаточно — без пояснений — упомянуть одного лишь «Гамлета»... «Быть или не быть, вот в чем вопрос».

* Герменевтика — наука о понимании и интерпретации — в числе прочего — текстов. Одним из основоположников герменевтики является Ханс-Георг Гадамер. Его главная работа «Истина и метод» издана на русском языке в 1988 г. (Москва, «Прогресс»).

◆ Два фактора, уже упомянутые выше, создали удручающий феномен компьютерной литературы: дискретное (цифровое) мышление и гедонизм авторов и читателей, отказавшихся от реального мира и с головой ушедших в мир виртуальный, электронный.

Дискретность мышления замечательно характеризует известный анекдот. Профессиональный программист, отходя ко сну, ставит на прикроватную тумбочку два стакана: один с водой, другой пустой. Некто, например, деловая подруга на ночь, интересуется: «Почему два стакана?» — «А потому, что стакан с водой — если ночью захочу пить. Пустой же — если пить не захочу».

Другая жизненная ситуация часто возникает у людей среднего и старшего поколений, по специфике своей занятости общающихся с детьми, юношами и молодыми людьми. Это преподаватели вузов, учителя в школе, армейские офицеры и пр.

Первые — сохранившие в основе своей традиционное, аналоговое мышление; вторые — уже «переученные» на дискретное, цифровое мышление. Кто находится в такой ситуации, тот однозначно ответит на соответствующий вопрос: мы друг друга («старый» «младого» и наоборот) понимаем в такой же степени, как два иностранца — по отношению одного к другому, — слабо понимающих язык визави...

...Дело, конечно, не в возрасте и во взаимном непонимании поколений; ибо сейчас как аналоговое, так и дискретное мышление присуще и «стару» и «младу». Не редки представители старших поколений, что быстро «переучились» на дискретное мышление, а по опыту общения со своими студентами знаю: аналоговое мышление присуще и части молодых людей, уже родившихся в эпоху Интернета.

Дело все в установке, которую в силу тех или иных обстоятельств, каждый дает сам себе. Так и авторы с читателями выбирают традиционную и компьютерную литературу.

Как мы уже писали выше — дискретное мышление ориентируется на информационную составляющую текстов, но совершенно чужда художественности. А взаимоотношение «дискретных» автора и читателя? — Рыбак рыбака видит издалека. Что тут еще сказать...

И о гедонизме автора и читателя компьютерной литературы.

Выше все, или почти все было сказано. Обе стороны — автор и читатель — сидят в теплой квартире перед компьютерами, прихлебывая кофе. Расходы физической энергии минимальны: автор «давит» на клавиши, читатель поводит глазами слева-направо; китайцы — сверху-вниз; читающие по-арабски и на иврите — справа-налево.

Соразмерные с ними затраты энергии мышления — минимизированы: набирается на компьютере автором и читается с экрана читателем (извините за тавтологию) исключительно «голая» информация, а точнее — информационный шум, из которого на 90—95 % и состоит содержимое Интернета. Никаких тебе головоломок с фабулой, сюжетом, художественной подачей образов, тем более — никаких герменевтических ухищрений. Полный гедонизм, за который автор и читатель компьютерной литературы сполна расплачиваются угнетением высших слоев психики.

◆ В заключении — два известных вопроса русской (не компьютерной!) литературы. Кто виноват? Что делать? Если искать виноватого, то надо апеллировать к Дарвину с его теорией эволюции, а для людей верующих — к высшим силам, создавшим человека. Еще к В. И. Вернадскому будут вопросы: зачем Владимир Иванович «изоберл ноосферу»?

Но Дарвин с Вернадским, тем более Всевышний, ответа не дадут. Тем более что нет более глупого занятия, нежели в чем-то обвинять эволюцию человека и ход Истории. Они перед нами неподотчетны по определению.

Здесь ближе к правде воцерковленные люди, говорящие в таких случаях: так Бог захотел наказать человека за грех: первородный, рукотворный современный и так далее.

С позиций же современной эволюционной науки (см. ссылку выше на «Феноменологию ноосферы») объяснение логически непротиворечиво. Сейчас мы находимся на самом пике перехода от биосферного к ноосферному этапу эволюции человека — по В. И. Вернадскому.

В социально-экономической и политической сфере этот период характеризуется процессом глобализации.

Глобализация же невозможна без непрерывно нарастающего

прогресса в области глобальных же систем телекоммуникаций: от того же Интернета до «всевидящего ока» всемирных космических группировок типа ГЛОНАС и ее американской «сестры». И все это — под контролем основного закона современного капитализма: преобладание общества потребления и навязывания потребителю совершенно ненужного.

Все это вкупе резко, что называется на глазах, лишает человека индивидуальности, переводит изначальный, аналитический образ мышления к механически-дискретному. А это, в свою очередь, напроочь отрицает творческую, в том числе художественную, составляющую мышления. В сфере литературы — это возрастание роли компьютерной литературы.

А что делать? — Но ведь в истории человечества случались и более сложные коллизии. Что будет дальше? — Нам не суждено знать, ибо законами мироздания наложен запрет на «знание наперед». — Для пользы самого же человечества...

По крайней мере сейчас и в ближней перспективе традиционная художественная литература сохраняет свои базовые позиции. А что касается компьютерной литературы, то здесь почти все зависит от последующего шага эволюции человека — уже ноосферного.

Вполне возможным представляется и активное вмешательство человека разумного в ограничение «безнаказанности» электронных гаджетов. Тому уже есть примеры, например, хотя и робкие, но все же попытки — призывы на государственном уровне взять под контроль Интернет.

И еще один характерный пример. Помните, как с десятков лет назад японские фирмы одну за другой «насылали» на детский мир электронные игрушки типа «пакемона», активно рушащие еще неокрепшую психику ребенка. Но затем это прекратилось. Можно так понимать, что это следствие контроля японского общества, во многом сохраняющего традиционные ценности.

...Пока есть возможность, уважаемые авторы и читатели, сохраняйте и вы ценности традиционной художественной литературы.

И еще раз приглашаем наших авторов и читателей принять активное участие в дискуссии по означенной выше тематике.

«ГРЯДУЩИЙ ХАМ»*, ИЛИ ОЧЕРЕДНОЕ ПОВРЕЖДЕНИЕ РУССКОГО ЯЗЫКА

В определенном смысле нижеследующий материал является «идеологическим» развитием рубрики «Колонка главного редактора» предыдущего номера журнала. Памятуя, что мы только что отметили (строки эти пишутся в конце мая-месяца) День славянской письменности и культуры, мы сочли возможным и необходимым повторить здесь (повторение — мать учения) рассуждения о великом даре Кирилла и Мефодия, давшим славянам великолепный и универсальный алфавит.

Читатель, окончивший школу в советское время, хорошо помнит знаменитые слова Владимира Ильича о А. И. Герцене, разбудившем Россию... и т.п. И еще наш давний школьник и сейчас без запинки ответит, что в 1850—1860-х годах А. И. Герцен и Н. П. Огарев (как сейчас олигархер Березовский) жили в Лондоне и содержали Вольную русскую типографию — под эгидой издателя и книготорговца Н. Трюбнера (*Trubner & Co., 60, Paternoster row, London*), по-видимому, агента Ост-Индской компании, — где печатали газету «Колокол», журнал «Полярная звезда», сборники «Голоса из России» и отдельные книги, запрещенные в России.

В частности, в 1858 г. они издали под одной обложкой сочинение князя М. М. Щербатова «О повреждении нравов в России» и знаменитое «Путешествие из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева. Нельзя не отдать должное основоположнику русской демократии в той части, что сейчас называют брэндом. В книгоиздательстве тоже, в революционно-пропагандистском деле тож. Ибо под одной и той же обложкой оказались критики царской России конца XVIII в. «слева» — нервический демократ Радищев и «справа» — предшественник славянофилов XIX в. князь Щербатов, причем сам Герцен полагает себя последователем первого.

* Название известного произведения Д. С. Мережковского, автора знаменитой трилогии «Христос и Антихрист». — Прим. авт.

К чему это мы начали столь издалека, если рубрика журнала относится к филологии? — По понятной аналогии и заимствованию названия этого очерка у князя Щербатова, ибо он в своем труде писал именно *о повреждении нравов* в России эпохи цариц (двух Анн, двух Екатерин и Елизаветы тож...), а по подтексту — всей послепетровской империи, в сравнении с благолепием Руси допетровской: Третьего Рима — православного, но без сверкающей византийской роскоши. Впрочем, нелишним будет любознательному читателю и самому ознакомиться с первоисточником.

Высказывает мимоходом князь и свое неприятие отходом речевых норм от базового языка московской Руси, полностью сформировавшегося к концу XVII в., вобравшего все лексическое и семантическое богатство древнеславянского (болгарского), древнерусского (белорусского) и средневекового русского языков, ставшим основой «московского говора» — великорусского литературного и разговорного языков.

А что же досталось нам в последние пятнадцать лет в части повреждения лексики и грамматики родного языка? — Живи сейчас князь Михайло Михайлович, так стократно бы возмутился... Впрочем — от старины глубокой к делам дней нынешних: оптимистичных для удачливого меньшинства и прискорбных для остальных.

* * *

По всей видимости, некто Всевеликий* в природе, управляющий социальной, политической и экономической историей человечества, уже давно избрал нашу страну для экспериментов по обработке различных вариантов мироустройства. Причем и сами эксперименты в любом из направлений уже повторяются по второму, по третьему разу. Это даже по внешним проявлениям видно. Например, по преобладающей стилистике великого и могучего русского языка: как разговорного, так и печатного (порой переходящего в непечатный...).

* Уже стало расхожим термином «тайное мировое правительство», которое, начиная с 1789-го года (Великая Французская революция), постепенно подбирает мир под себя...

Создается впечатление дежавю — простительного психического расстройства: вроде как живешь в начале третьего тысячелетия, а мнится порой — в первой четверти века минувшего, а то и в эпоху Александра I и еще далее — Первого же Петра.

Действительно, нынешний русский разговорный очень напоминает блатную *феню*, решительно вторгшуюся на Среднерусскую равнину (с возвышенностями) в начале XX века вместе с ворами, жульем и другим деклассированным элементом — преимущественно из черноморских губерний. Это «великое переселение народов» многократно усилилось в смутные послереволюционные времена.

Кстати о самом термине «феня», которую «ботаю́т». При всем интересе к ближней отечественной истории, мне не удалось найти объяснение этимологии этого слова. Пришлось думать самому, и вот что надумалось. Помните из школьных учебников истории про развеселых коробейников, воспетых великими русскими писателями и поэтами, чьи стихи были переложены на народные песни? А коробейники — навряд ли нынешних челноков-мешочников — родом из ярославской и других северных малолетборобных губерний, занимавшиеся мелочной торговлей вразнос. Более их распространенное в народе наименование — офени. Это опять же как сейчас подавляющее большинство населения страны.

Так вот, коробейники составляли по родству мест происхождения и роду занятий достаточно замкнутую касту, даже изобрели от непосвященных особый язык, состоящий из слов-перевертышей, да еще и с заметным «цоканьем», характерным для севернорусского говора. К началу капитализации царской России класс коробейников-офеней утратил свою роль, но народ, особенно в Москве и центральных губерниях, еще долго их помнил. Поэтому, когда в 10—20-е годы Белокаменную наводнила шпана и ворье из Одессы, Кишинева, Крыма, говорившая с южно-русским акцентом на невообразимой смеси русских, греческих, молдавских, жаргонных немецких, польских слов, то старушки, возвращаясь домой с покупками на Хитровом рынке, рассказывали, всплескивая сухонькими ручонками: «Уй, ужас-то какой! На Хитровом седни была, так шпанья там? И все по фене так и ботаю́т, так и лопочут...»

Итак, трудолюбивые офени перевоплотились в воров, разгова-

ривающих (ботающих — на подмосковном говоре) «по фене». Прав я или не прав — пусть ученые филологи, умными книгами зачитавшие глаза до очков в десять диоптрий, нас рассудят.

Когда ворье постепенно пересажали, очищая страну для индустриализации и научно-технического прогресса, то феня стала разговорным, блатным тюремно-лагерным языком, обособившись от гражданской речи.

* * *

...И вот оно — дежавю 90-х годов минувшего века: блатная феня вновь и чудовищно быстро стала общегражданским языком, усилившись большим набором вроде бы самых обычных слов, но с совершенно иным семантическим содержанием. И добрый наш народ эту семантику вмиг освоил! Проведите эксперимент, то есть произнесите вслух в людном месте какое-либо из следующих слов или словосочетаний: *крыша, конкретный, стрелка, браток, зеленый, деревянный, откат, наезд, счетчик, тамбовский, телка, рубить капусту, сидеть на трубе, наперсток* и пр. — и проследите за реакцией окружающих. Мужики понимающе хмыкнут, а случившийся рядом милиционер на всякий случай постарается запомнить ваше лицо. Но наибольший и поощрительный интерес выкажут девушки и молодые женщины — при условии, что вы прилично одеты, коротко подстрижены и имеете на шее золотую цепочку.

Совсем другое дежавю с эпохами Петра I и Первого Александра, когда, как известно, в русскую речь несметно влилось иноземных слов, а высшие сословия и вовсе перешли на иностранные языки: при Петре на смесь немецкого и голландского, далее почти на два века на французский... был и короткий период во времена Николая Кровавого (ныне святого), когда свет перешел на английский — как считается сейчас для успешной офисно-торговой карьеры необходимым лопотать на американском диалекте этого же языка.

Итак, дурно понятыми иностранными словами, словно в русском языке нет их синонимов, сначала заговорил первый и последний президент СССР: консенсус, конверсия, толерантность, мак-

роэкономика... да еще все с тем же южнорусским акцентом! А следом так посыпалось, что и газету сейчас не сразу прочтешь без перевода: *ваучер, брокер, менеджер, бизнесментер, провайдер, промоушен, мерчерайзер, дилер, префект, мэ, инжиниринг* и пр., и пр. Иные и вовсе неприлично произносить. — И все из импортной торгово-воровской фени.

Да, любит русский народ блеск иностранных слов! А чтобы, выкушав от безысходности водочки, не забывал их — так на то телевизор и иные СМИ, круглосуточно вещающие на смеси французского и нижегородского, имеются.

* * *

Несомненно, имеется надежда, что со временем великий и могучий русский язык как проглотил, так и выплюнет скалозубную, как искусственная американская улыбка, речевую иностранщину. Благо тому примеры имеются превосходные. Как уже говорили, двести лет верхние сословия России, их «шестерки» и прихлебатели из «аршавских портных» грассировали по-французски. А что сейчас осталось? — Исключая специальные научные термины и названия блюд французской кухни, в чисто народном, разговорном языке только несколько слов, причем неодобрительных: шаромыжник, шантрапа и шваль. То же самое будет и в память об англо-американском новоязе.

Иной толерантный гуманитарий возопиет, читая этот очерк: «А что плохого в расширении русского языка за счет лексического богатства языков иностранных? Что бы мы сейчас делали без слова «бизнес»? И так далее.

Во-первых, хотя и не дурак полный, но до сих пор так и не могу понять: что означает «бизнес» и производная от него профессия «бизнесмен»? Спрашивал у бывших коллег по работе, а ныне превратившихся в новорусских. Говорил: «Это торговля? Или предпринимательство? А может работа клерком в офисе?» И так далее перечисляю все существующие роды занятий. А те отвечают, дескать, нет! Бизнес — он и есть бизнес.

Опять же самому пришлось (как и в случае с феней) додумывать. И опять пришел к выводу: бизнес — это деланье денег из воздуха, то есть чистой воды паразитирование на тех, кто занят конкретной деятельностью, то есть что-то производит, даже торгует или ворует по мелочи. А потому сам бизнесментер даже не обязан точно знать — из чего он эти деньги извлекает: из сети платных сортиров, из продажи нефти и газа, из содержания игорных домов или домов публичных. Главная цель, задача и смысл жизни бизнесментера — личное обогащение. Государство (любое) их терпит, коль скоро они с ним деньгами делятся в виде налогов. А не заплатил, так поступай в распоряжение Минюста, если не успел в Лондон уехать. Профессия во многом рисковая, воровская.

Во-вторых и в основных, засорение родного языка иностранциной ведет вовсе не к его расширению и обогащению, но прямо-таки к лексической бедности. Взять всем навязшее на зубах слово «проблема». До катастройки (термин известного философа А. А. Зиновьева) оно использовалось исключительно в научном обиходе и в обиходную речь ворвалось с потоком голливудских фильмов, в которых их герои составляют свою речь всего из нескольких слов: проблема, доллар, дерьмо, трахать, надрать задницу, свобода, банк, автомобиль и соединяющих их предлогов *of, and, the*.

Наиболее часто в этих фильмах, учитывая языковую бедность американского языка, произносится слово *problem*. В русском языке существует более двух десятков — в зависимости от контекста — синонимов «проблемы», но переводчики фильмовых текстов на русский ленивы и торопятся деньгу зашибить, поэтому им недосуг подбирать эти синонимы, вот и лепят через слово «проблему». Добрый наш народ тоже в массе ленив и потому полюбил это всеобъемлющее слово. Отсюда и реклама, например, частных клиник: «Если у вас проблемы с личной жизнью (имеется в виду половая), то приходите к нам, и мы без наших проблем решим за умеренную плату ваши проблемы». И так далее.

...Можно, конечно, с доброй улыбкой смотреть отечественные бандитские сериалы с их матерной феней, не слушать теле- и радиодикторов с их неправильной речью, не смотреть на англоязычные вывески магазинов и «массажных салонов». Вовсе не обяза-

тельно вслушиваться в птичий язык подростков-тинейджеров: все одно не поймете о чем речь. Но ведь всему есть разумный предел!

* * *

Лексика — дело преходящее. Поговорили до лучших времен и забыли. Иное совсем дело грамматика, то есть речь письменная, ибо «что написано пером, то не вырубишь топором». Здесь важны два момента: общий упадок грамотности и реформирование правописания и алфавита. Начнем с алфавита, как основы грамматики, то есть фонетики и морфологии в первую очередь; хотя это отражается и на синтаксисе с пунктуацией.

Русский язык, равно как и ряд других славянских языков, пока не перешедших на латиницу (украинский, белорусский, болгарский, сербский), получили от Кирилла и Мефодия великолепный дар — славянский алфавит, причем не просто «переписанный» с греческого, а *вновь созданный*. Неувядаемая слава великих просветителей состоит в том, что они создали алфавит универсальный, фонетически адекватный *сразу всем* славянским языкам: восточным, западным и южным. Что значит: фонетически адекватный? — А это просто понять, если взглянуть на напечатанный или написанный от руки текст на русском языке. Что сразу бросается в глаза? — Правильно, за исключением и-краткого (й) в нем нет букв со всякими над- и подбуквенными значками: тильдами, черточками, кружочками, точками, галочками и пр. (о букве «ё» разговор пойдет отдельный). То же самое видим и в текстах на других славянских языках, использующих кириллицу. Если «надбуквенницы» там и встречаются, то это скорее всего дело разного рода реформаторов типа Грушницкого...

Все это означает, что в алфавите Кирилла и Мефодия были тщательно учтены все фонемы (базовые звуки) всех славянских языков в их отличии: «цоканье» северных славян — будущих русских, обилие «шипящих» в польском языке, фонетическая специфика чешско-моравских языков, «приглушенность» южных славянских говоров и пр. И те народы, которые в свое время под давлением католической церкви отказались от кириллицы и взяли лати-

ницу, за это «расплачиваются» невероятным усложнением алфавита и морфологии слов. Возьмите грамматику польского языка: сплошные «надбуквицы» и использование трех-четырех букв для написания «шипящей» фонемы... То же самое и с чешским (словацким также) языком.

Кстати говоря, чехи исторически недавно перешли на латиницу; доводилось видеть книги на чешском, использующие славянский алфавит. Так там тоже, как и в русских текстах, нет подчеркиваний сверху и обозначения фонемы более чем одной буквой!

Скажем большее, что уже вовсе фантастикой представлялось бы, если бы не было правдой. Когда в 20-х годах прошлого века в СССР народы, прежде не имевшие письменности, или использовавшие арабский алфавит, а также в Монголии и Туве (до 1943-го года самостоятельное государство) с уйгурской письменностью, был введен русский алфавит, то оказалось: для всех этих языков, принадлежащих к совершенно различным лингвистическим группам — тюркской, иранской (таджики), угро-финской и пр., и пр., — алфавит Кирилла и Мефодия оказался фонетически адекватным!

Филологи в шутку и всерьез говорят: если когда-либо японцам придет в голову мысль отказаться от китайских иероглифов и перейти к алфавитной письменности, то они возьмут только кириллицу. Дело в том, что фонетика русского и японского языков, правда, чисто случайно, не по родству, совпадает абсолютно. Поэтому японец говорит по-русски, а русский по-японски без акцентов.

...Сейчас, в эпоху дистанцирования от России, кое-кто из самостоятельных стран, бывших союзных республик, переходят на латиницу, создавая тем самым сложности, аналогичные западным и некоторым южным славянским народам.

* * *

Создавая *общеславянский* алфавит, Кирилл и Мефодий сознательно сделали его информационно-фонетически избыточным. То есть они учли, что в процессе дифференциации славянских народов и оформлений национальных языков их фонетики могут изменяться — преимущественно в сторону некоторого сокращения числа фонем. Все это они учли в исходном алфавите. Кстати, не учли

они только одну фонему, им еще тогда не известную, конечно, — так называемую «гэ — аффрикативную», то есть знаменитое «гхэ» южнорусского и украинского говора...

Для примера: латинский алфавит, полностью соответствующий древнеримскому языку — латыни, такой избыточностью не обладал изначально; отсюда и обилие «надстроек» к буквам в германских и западнославянских языках, буквенное «изобилие» во французском языке, оригинальная традиционность языка английского, где, как говорит присказка: пишешь — Манчестер, читаешь — Ливерпуль. И так далее.

...Именно в силу первоначальной фонетической избыточности кириллицы возможны и допустимы коррективы алфавита, если, конечно, не следовать предельному традиционализму типа английского.

Все дело в том, что язык — динамически изменяющаяся со временем категория. В этом легко убедиться, сравнив словари (они в советское время издавались часто и полно) современного, старорусского (XV—XVII вв.) и древнерусского (XII—XIV вв.) языков. Современный русский язык возник на основе московского говора, заметно отличавшегося от своих предшественников. Часть фонем при этом утратилась, возникла ненужность некоторых букв кириллицы, рачительно «запасенных» славянскими просветителями под будущий языковой процесс, в том числе и русского языка.

Первую реформу алфавита, правда, в основном по части написания букв, произвел Петр I: так называемый переход от церковно-славянского шрифта к гражданскому. Это мы все помним из школьных учебников, где приводилась эта правка — вычеркивание рукой самодержца.

Вторая реформа совпала с коренным переустройством всей жизни России при императоре Александре II, хотя готовилась уже давно, в частности, министром Уваровым, который в советское время полагался «гонителем просвещения». Ну-у, это все с подачи историка-пролеткультовца Покровского... Из состава алфавита было изъято несколько букв, уже не соответствовавших современной тогдашнему времени фонетики языка.

Наконец, реформа 1918-го года, как бы к ней сейчас не относилось «демократическое общественное мнение», завершила поло-

винчатое решение нововведений, а точнее — «выведений», александровской поры. *Алфавит был приведен в полное соответствие с фонетикой русского языка.* Ведь еще девяносто лет тому назад в московском, то есть литературно-нормативном русском языке, даже знаменитый — в последующих попытках «реформ» — заяц зайцем и произносился, а не «заец»!

Здесь важно отметить, что и в царской, и в советской реформах из алфавита были удалены исключительно — кроме замучившего не одно поколение гимназистов «ятя» — чисто греческие буквы, но оставлены все до единой введенные Кириллом и Мефодием вновь и специально для славянского алфавита.

* * *

Исключая «дизайн» Петра Первого, пообвыкшего за границей к геометрической строгости латинских букв, обе реформы алфавита — царская и советская — были тщательно продуманы и научно обоснованы. Кстати говоря, реформа 1918-го года была полностью подготовлена специальным комитетом министерства просвещения еще задолго до революции... Это в адрес тех, кто сейчас по поводу и без повода все списывает «на большевиков».

Потому исправление алфавита в общем-то пошло на пользу русского языка, его грамматики. Иное совсем, когда в деле реформирования главенствуют личные амбиции, пусть даже движителем которых является уверенность в общей пользе.

Таким вот реформатором впервые выступил очень уважаемый человек — Н. М. Карамзин. Более всего в своей жизни Николай Михайлович гордился не своими «Письмами русского путешественника», не многотомной историей России, правда, написанной в «романовском» ключе, даже не воспитанием, пожалуй, самого умного, но и трагического, русского царя... Нет, до тщеславия он был горд введением в русский алфавит новой буквы «ё», страсти вокруг которой в очередной раз вспыхнули сейчас у нас. В контексте заметим, что точно так же Ф. М. Достоевский главной своей заслугой полагал не свои произведения, принесшие ему всемирную славу, не создание жанра психологического романа, а введение в

лексику слова «штушеваться»; учась в Михайловской инженерной академии, ему часто приходилось счищать с чертежей кляксы от туши; отсюда и слово.

...Я тоже тихо горжусь тем, что внес в современный новояз два новых слова — производные от «бизнес» и еще от одного, часто употребляемого — перевода с американского. К сожалению, оба они не для печати; вполне годятся для эстрады, но тамошние «авторы-куплетисты» глубоко привержены идеям общечеловеческих ценностей...

Однако, вернемся к букве с двумя точками поверху. Почему уже почти два столетия ее положение в русской речи, а особенно в алфавите, несколько двусмысленно? Настолько, что ее традиционно не используют в печатных текстах, заменяя на «е». А для школьников и доверчивых людей придумали легенду. Дескать, на момент введения Карамзиным новой буквы, словолитен в типографском деле еще не существовало, а набор делался из отдельных литер. Стоили они дорого, использовались не один десяток лет, так что отливать новые наборы литер дорого, хлопотно и пр. Умные люди, конечно, смеялись: зачем же все литеры менять, достаточно отлить несколько тысяч этих самых «ежиков» и распределить по типографиям, исключая подпольные.

Нет, здесь не все так просто. Возражали и возражают филологи из числа мыслящих. Даже ссылки на схожие по образованию буквы «ю» и «я» их не убеждают. Дело в том, что фонема, соответствующая «ё», не характерна для русского литературного языка, то есть языка печатного текста, а присуща только «цокающему» северному диалекту (наречию). А если все же слова с «ё» стали употребительными в XX веке, то здесь сработал эффект «обратной связи»: если почти целый век в школе убеждают, что есть такая буква, то в конце концов, как говорится в старом анекдоте, и мумия Рамзеса IV признается следователю КГБ: «Да, ёлы-палы, фараон я и жил на нетрудовые доходы».

Как бы то ни было, но время «ё» еще не пришло, хотя она и введена явочным порядком в алфавит. Наконец, должно же хоть что-то быть традиционным в русской жизни? А то через каждые три-четыре поколения памятники сносят и заменяют другими, го-

рода без конца переименовывают^{*}, полицейские дубинки то отменяют при тоталитаризме, то вводят при демократии и так далее. Неизменны только водка, воровство и взяточничество, исключая период сталинских пятилеток, да, пожалуй, винтовка Мосина и «калаш». Почему бы не оставить традицию печатного текста без сомнительной «ё»? Хотя неча на других пенять, но вот, например, англичане за две тысячи лет ни одной буковки в своем алфавите не поменяли.

* * *

Николай Михайлович, вводя свою букву, был искренне уверен в пользе ее для русского языка. Кто-то согласился, кто промолчал, но со времен Александра I и до 2006-го года от Рождества Христова все попривыкли: буква «ё» как будто есть и также как будто подразумевается... Всех это устраивало, даже неуспешных школьников: достаточно выучить правило: если «ё» под ударением, то это уже «ё».

Но вот грянул год 2006-ой, и за дело улучшения русского языка взялись госчиновники «на местах». Конечно, и в остальной России они ума необыкновенного, но вот на берегах матушки Волги они и вовсе замечательные: один волжский богатырь-губернатор за неполных два года область разорил вчистую, другой — крепкий хозяйственник — предложил легализовать публичные дома, а третий ударился, видно, других забот уже нет, в филологию: срубил-поставил памятник букве «ё» и призвал всю Россию употреблять ее непременно в печатных текстах.

До чего же удивительный наш народ! Прямо-таки в нем живет дух противоречия. Прямые государственные законы почти не исполняются. Но вот стоит кому-то и что-то брякнуть по телеку, так тотчас переименуют не только широкие народные массы, но и госуч-

* Здесь более всего «повезло» северной столице: Санкт-Петербург (СПб) (1700 г.) — Петроград (1812 г.) — СПб (1814 г.) — Петроград (1914 г.) — Ленинград (1924 г.) — третий раз СПб по инициативе Собчака. Чуть меньше раз переименовывали Рыбинск и ныне самостийный Луганск. Так что практику переименований начали цари, а не генсеки...

реждения. Вот как-то недавно вскользь упомянула дикторша по НТВ, что соседский наш президент Ющенко вельми недоволен, что россияне говорят «на Украине». Ему же больше импонирует «в Украине». А буквально на следующий день все дикторы в столицах и провинции, эстрадные смехачи-плясуны, госчиновники перешли массово «в Украину». Тоже и в печати. А в объявлениях ФГУП «Почта России», срочно перепечатанных, запестрело: «переводы в Украину...» и так далее. Все свершилось вмиг, даже завалящего филолога на телеэкран не выпустили, который популярно бы разъяснил: говорить «в Украине» все одно, что сказать: «я поехал в край города...» в баню, на рынок-толкучку, в массажный салон — по интересам и деньгам.

...Так и инициатива волжского любителя филологии тотчас с восторгом была воспринята страной: все печатные издания тотчас запестрели «ежиками». Очевидно, на радость нашим западникам-демократам. Дескать, и у нас теперь, как во Франции или Польше, буковки в газетах с точками поверху!

Если так и дальше пойдет, то очередной волжский богатырь явочным порядком переведет русский язык на латиницу.

* * *

Много чего можно сказать о современном повреждении языковых нравов. Пожалуй, и всех страниц годового комплекса журнала не хватит. Одно помешательство другим сменяется. И конца этому не видно. То заставляли бывшие союзные республики и их столицы по-туземному именовать в нарушение всех языковых норм. Это все равно, как если бы Швецию Сверигой, или Швейцарию Зюссией именовать. Воспрянули духом старинные «зайцееды», кто еще во времена Хрущева пытался заставить писать «заец» вместо «заяц».

Некие оригиналы рекомендуют отменить твердый знак. И так далее.

В сегодняшней телерекламе слово «Кока-кола» употребляется только в именительном падеже: «Я купила бутылку кока-кола...». Но на текущее время апофеозом всего является явочная же американизация русского языка, заключающаяся в повсеместном написа-

нии многословных имен собственных с заглавной буквы каждое слово типа: «Агентство *Оценки Недвижимости*». Самое ужасное — так же точно пишут названия, включая вывески государственных учреждений, в частности, учебных заведений, где учат грамотности... Пока недостижимой вершиной здесь являются новые формы «корочек»-обложек дипломов докторов и кандидатов наук; золотом на них оттиснуто: «Диплом Доктора наук», «Диплом Кандидата наук». И такие дипломы торжественно вручают свежеиспеченным докторам и кандидатам от филологии! Дальше вроде как и некуда.

...Иван Сергеевич Тургенев, проживая во Франции по долгу своей службы (резидент русской внешней разведки по Франции, полковник жандармерии)*, гуляя по дымным садам парижского Буживаля, завершал свою лучшую книгу гимном русскому языку. Неужели и нам нужно всем очутиться на чужбине, чтобы понять простую истину: что имеем, то не ценим; потерявши — горько плачем.

...Уважаемый читатель! Открою один секрет полишинеля. Собираясь писать настоящую «Колонку», вспомнил, что лет пять-шесть тому назад соответствующий очерк был уже мною написан. Правда, по другому поводу. Поскольку я никогда не переписываю что-либо своего — первая мысль от Бога, — то и оставил вышеприведенный материал без изменения и правок. Ведь ничего за прошедшие годы не изменилось в части повреждения русского языка, только все ухудшилось.

Трижды клятая «проблема» в речи всех и вся, от гастарбайтеров-азиатов до министров-капиталистов уже не через десять, а через два-три слова употребляется. Вершиной здесь является медицинская реклама, что с 7.00 до 16.00 по «Радио России» убеж-

* Есть и такая версия, понятно, не афишируемая на при царях, ни при генсеках, ни при президентах. Много любопытного, тайного и сакрального в истории... Почему бы писателю и не быть гражданином и не служить интересам своего государства? Так мы все помним со школы о чудаковатом путешественнике Миклухо-Маклае, который был полковником генштаба и являлся резидентом императорской разведки в Индонезии в период тихоокеанской экспансии России. — Прим. авт.

дает покупать чудо-аппараты для домашнего лечения всех недугов: от поноса до клинической шизофрении. Коронное словосочетание этой рекламы: «лечение ваших проблем». Это как лечение математических лемм и теорем, например.

К «белому дому» настолько дикторы радио-телевидения привыкли, что когда говорят не о здании на Краснопресненской, а о настоящем Белом доме в Вашингтоне, округ Колумбия, США, то специально оговариваются, что это речь идет об американском Белом доме. В провинции же вовсе исчезло из обихода речевого слова «администрация». Сплошь — белые дома: от областной администрации до сельсоветов... или как там они сейчас называются. Даже если соответствующее здание покрашено в успокоительные для нервов желтый или зеленый цвета...

Уже нечего (и бесполезно!) говорить про экологию: «плохая экология», «ужасающая экология» и пр. Но экология — это термин науки об окружающей человека и живой мир биосреде, от греческих слов $\epsilon\kappa\omicron\sigma\tau\lambda\omicron\gamma\omicron\varsigma$. Поэтому говорить «плохая экология» все одно, что произносить: «плохая физика», «плохая геометрия», «плохая биология»...

...И еще один существенный момент, так сказать *color local* нашего доброго народа.

Наряду с вредоносными СМИ и общечеловеческой ленью в части повреждения языка, что является, вообще говоря, общемировым явлением, надо учитывать чисто русскую специфику. А именно: независимо от того, кто управляет нашей страной — поставленный ханом в сарае великий князь московский, самодержавный царь, генеральный секретарь ЦК КПСС или всенародно избранный президент — народ во всем ориентируется только на главу государства, полагая во все времена 1100-летней России, что-де царь дал своим подданным жалованную грамоту, а злые бояре-чиновники ее украли и держат за семью бункерными дверями...

Оттого народ доверяет только верховному лицу, а чиновники всех мастей и вовсе лизоблюды, подхалимы и до неприличия подражатели. Увлекается глава государства лаут-теннисом — все чиновники, подобрав животы, на корт! Сложнее с горными лыжами: дорогой вид спорта и требует хорошей физподготовки...

А вот окажись глава государства филателистом, увлеченным коллекционером почтовых марок? И тогда бы мы увидели во всех областных, городских и поселковых администрациях чиновников, приходящих на службу с марочными альбомами-кляссерами, а в обеденный перерыв бешено меняющимися марками: нигерийскую серию «Орхидеи» на пуэрториканского Ван Гога...

И радетели культуры из числа наиболее знаменитых олигархов везли бы с лондонских аукционов не яйца Фаберже, а «голубых Маврикиев» и другие филателистические раритеты...

Сказанное к тому, что руководителем в России вдвойне трудно быть, учитывая наличие многомиллионной армии «всегда на страже» чиновников-подражателей, тотчас ретиво бросающихся научать народ новым веяниям. В том числе и в языковой сфере.

...И заключительная *nota bene*. Подходит ко мне студентка с Украины, родом из самого что ни есть украинского Чернигова и спрашивает: «А почему у вас в России говорят «в Украине»? У нас же говорят «на Украине».

Истинно, наши СМИ бегут впереди лошади.

НЕУГОМОННЫЕ РЕФОРМАТОРЫ РУССКОГО ЯЗЫКА

В настоящей публикации «Документов эпохи» в определенном смысле продолжается тема, затронутая в очерке Алексея Третьякова «Повреждение нравов (реплика грамотея)», опубликованном в «ПЗ» № 2, 2007, о чисто национальном явлении: периодически, но относительно регулярно и настойчиво проявляющихся попыток реформирования грамматики — от фонетики до синтаксиса и пунктуации — русского языка.

...Вспомните, как у одесских классиков в их бессмертной диалогии о Чичикове (200-летний юбилей Н. В. Гоголя еще не забыт, что называется — на слуху) XX века — Остапе Бендере дается стереотип резолюции собрания по любому поводу типа: в ответ на наглое требование (такого-то имярек) повесить ему оклад содержания ответим... И далее перечисляются пункты «ответа» — от повышения бдительности в отношении происков мирового империализма до перевода учрежденческой документации на латинский алфавит. И это не сарказм и выдумка Ильфа — Петрова, но действительный, имевший место быть факт: в те годы на государственном уровне обсуждался вопрос о замене, полной или частичной, русского алфавита на латинские буквы. Ни много, ни мало. И счастье, что в тогдашнем руководстве страны состояли здравомыслящие люди, прежде всего Иосиф Виссарионович Сталин, глубоко чувствовавший русскую культуру, в том числе культуру русской речи и письма — алфавита, великого и провидческого творения Кирилла и Мефодия. Отстояли (см. приводимые ниже документы).

И откуда эта всеядная реформаторская напасть? — Может от ненависти к истории русской, в том числе к фонетике и орфографии родного языка? Еще можно понять те бывшие союзные, советские и социалистические республики СССР, в одночасье ставшие самостоятельными (хотя речь не об Украине), что поспешили отречься от кириллицы и перейти к латинице: вот вроде как и к «цивилизованному» миру одним боком повернулись, и заодно сказали «фи» русскому народу, некогда выгатащившему их из турецкого раб-

ства или средневековой азиатчины. Но, повторимся, в конце концов это их дело, раз самостийные... Но свои-то туда же!

На исконно русский вопрос «кто виноват?» в деле реформаторства языка и алфавита здесь легко ответить: Петр Первый, очень уж увлекшийся европеизацией; до того увлекшийся, что и новую столицу назвал не в честь себя, что он заслужил, конечно, но в честь главного католического святого апостола Петра (Санкт-Петербург — это в переводе: город Св. Петра). И это в тогдашнем оплоте всего православного мира? Не зря же два русских царя — Александр I и Николай II, чувствуя неловкость такого наименования, под удобными предлогами — война 1812-го года и Первая мировая война — тотчас из города Св. Петра делали Петроград — город императора Петра Великого! Сейчас вот петроградцы-ленинградцы снова вроде как под виртуальной сенью Ватикана...

В принципе, предпринятая Петром реформа орфографии русского языка имела целью разделение церковно-славянской и русской гражданской письменности, но на собственно грамматику не посягала. Тому есть примеры и в Западной Европе: переход от средневекового готического алфавита в германоязычных странах к собственно латинскому, то есть возврат к правописанию Древнего Рима. И изданная в первые годы царствования Николая I «Пространная русская грамматика» Николая Греча (это которого в первой половине XIX только ленивый не «лягал»: от Ивана Андреевича до Александра Сергеевича и далее до Виссариона Григорьевича) систематизировала все нормы русского литературного языка. На «Грамматике» Греча и огражденном Петром Первым алфавите Кирилла-Мефодия можно было бы и остановиться и более их не трогать — посеючас и на далекое будущее. Как это было сделано в англо-германских и романских языках в Европе и по всему миру.

Но ведь не в русском же это характере! И вот уже в том же XIX веке, несмотря на наличие консервативных госруководителей народного просвещения — адмирала Шишкова и графа Уварова, — начинаются потуги на реформирование. Может это от разnochинцев, измучавшихся в гимназиях от зубрения правил употребления «ятей» и «фит» с «фертами»? Правда, ограничилось все

изъятием из алфавита нескольких греческих букв, имевших полные фонетические синонимы в гражданском алфавите. Однако Карамзин, пользуясь поддержкой двора, как воспитатель царских детей, сумел-таки нанести непоправимый удар по русской фонетике и орфографии, внедрив совершенно искусственную для базового, московского говора русского языка букву «ё». Настолько искусственную, что вплоть до начала XXI века в печатных текстах она не употреблялась.

Дальше — больше. К началу военно-революционных событий в России Министерством просвещения была подготовлена реформа орфографии; начавшаяся «германская» отложила ее проведение до 1918-го года: известно из истории, что любая новая власть охотно занимается реформаторством популистского характера. Вот с этой орфографией мы сейчас и живем. И другие разделы грамматики в прошлом веке претерпели, правда, малозначительные изменения, например, с правилами проставления знака переноса слов.

Но зато сколько решительных атак новореформаторов пришлось госвласти и общественности отбить? Чего только стоило утихомирить «заецеедов» 60-х годов? А совсем недавний всплеск тех же «упрощенцев»? Тоже власти пришлось их одергивать. Но в 20-х — начале 30-го годов замышлялось и вовсе невообразимое: «латинизация русского алфавита». Об этом — публикуемые ниже два документа — постановления Политбюро ЦК ВКП(б), за которыми явно просматривается позиция тогдашнего руководства страной и, особенно, И. В. Сталина.

Тексты взяты из Приложения к 17-му тому Полного собрания сочинений И. В. Сталина / Сост А. Е. Кирюнин, Р. И. Косолапов, С. Ю. Рыченков.— Тверь: Научн.-издат. компания «Северная корона», 2004.— С. 610—616.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПОЛИТБЮРО ЦК ВКП(б) «О ЛАТИНИЗАЦИИ»

26 января 1930 года

Строго секретно

Выписка из протокола № 115 заседания Политбюро ЦК от 25.01.1930 г.

26.— О латинизации.

Предложить Главнауке прекратить разработку вопроса о латинизации русского алфавита.

Секретарь ЦК.

Источник. 1994. 5. С. 100. АП РФ. Ф. 3. Он. 33. Д. 15. Л. 52.

Примечание. Поводом для рассмотрения вопроса на Политбюро стала следующая Записка наркома просвещения РСФСР А. С. Бубнова И. В. Сталину с приложением справки о работе Главнауки по завершению реформы орфографии и над проблемой латинизации русского алфавита: «Секретно. 16 января 1930 г. Москва. № НКП 69/М. В ЦК ВКП(б), тов. Сталину. Согласно телефонному разговору представляю Вам справку зав. Главнаукой тов. Луппола о латинизации. А. Бубнов.

СПРАВКА

О работе Главнауки по завершению реформы орфографии и над проблемой латинизации русского алфавита

По инициативе общественности (пресса, собрания учащихся, учителей, работников печати и т.п.) Главнаука с начала ноября 1929 г. приступила к разработке дальнейшей реформы орфографии. В процессе внутренней работы Главнауки выяснилась необходимость не только завершения реформы (1917 г.) орфографии и пунктуации, но и изучения проблемы латинизации русского алфавита. В особенности заинтересованной в этом деле оказалась полиграфическая промышленность, представители которой дали предварительные расчеты возможной экономии. Один переход с «и» на «і» («и» с точкой) должен дать экономию до 4-х мил. рублей в год, в том числе до 1 милл. рублей валютой (цветные металлы). Диспут, организованный «Домом печати», свидетельствовал о том, что общественность, связанная с полиграфической промышленностью, высказывается за латинизацию. Письма, получаемые Главнаукой, говорят, что эта проблема интересует широкие круги. Мнения, заключающиеся в письмах, разнородны. При таком положении Главнаука считала и считает необходимым комиссионным путем проработать эту проблему. В настоящий момент предварительная проработка закончена и весь материал с отзывами как

представителей общественности, так и ученых специалистов будет рассмотрен на закрытом заседании коллегии наркомпроса.

Само собою разумеется, что всякие слухи о предстоящем якобы уже введении латинского алфавита не основательны.

Вопрос, поднятый общественностью, лишь прорабатывается в органах наркомпроса, и было бы плохо, если бы этот вопрос, поднимаемый в ряде организаций, застал наркомпрос и прежде всего Главнауку врасплох.

И. Луппол»

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПОЛИТБЮРО ЦК ВКП(б)
«О «РЕФОРМЕ» РУССКОГО АЛФАВИТА»
С ПРИЛОЖЕНИЕМ ИЗВЕЩЕНИЯ ОБ ИТОГАХ
ВСЕСОЮЗНОГО СОВЕЩАНИЯ ОРФОГРАФИСТОВ
В ГАЗЕТЕ «ВЕЧЕРНЯЯ МОСКВА»

2 июля 1931 года

Выписка из протокола № 47 заседания Политбюро ЦК от 5 июля 1931 г.

О «реформе» русского языка.

Ввиду продолжающихся попыток «реформы» русского алфавита (см. извещение об итогах Всесоюзного совещания орфографистов в «Вечерней Москве» от 29 июня), создающих угрозу бесплодной и пустой растраты сил и средств государства. ЦК ВКП(б) постановляет:

1) Воспретить всякую «реформу» и «дискуссию» о «реформе» русского алфавита.

2) Возложить на НКПрос РСФСР т. Бубнова ответственность за исполнение этого постановления.

Секретарь ЦК

«Вечерняя Москва» от 29.VI.31 г.

ПРОЕКТ РЕФОРМЫ РУССКОЙ ОРФОГРАФИИ

Итоги Всесоюзного орфографического совещания

26 июня закончило работу Всесоюзное совещание по реформе русской орфографии, пунктуации и транскрипции иностранных слов.

В результате горячего обсуждения и проработки проекта в

секциях, совещание приняло с некоторыми поправками проект НИЯЗ'а. В основу этого проекта положен принцип приближения письменной речи к устной, или, точнее говоря, приближения орфографии к живому литературному языку.

Практическая часть этого **проекта** сводится в основном к следующему:

Упраздняются буквы э, и, й, ъ и ' (апостроф).

Вместо **э** всюду пишется **е** (этаж, электричество (произношение, конечно, остается прежнее)). Вместо **и** вводится **і**.

Проект вводит новую букву ј (йот), которая употребляется, во-первых, везде вместо **й**, во-вторых, в сочетании с **а, о, у**, вместо **я, е, ю** (яблоко, југ), в-третьих, в середине слов вместо **ъ** или **ь** знака, стоящих перед гласными (объект, калјян), а также в слове миллион (милјон), и в-четвертых, в сочетании **ьи** (чји, семји). Буквы **я, ю, е** сохраняются для обозначения мягкого произношения предшествующей согласной (няня, мел).

После **ж, ш, ч, ц** никогда не пишутся **я, ю, ы** (огурці, революція, цїган).

Мягкий знак упраздняется: 1) после шипящих (рож), 2) в середине счетных слов (пятьдесят, семсот), 3) в неопределенной форме глаголов, оканчивающихся на **тъся** (он будет учится).

По вопросу о двойных согласных в корнях слов **проект** первоначально предлагал упразднить их, то есть писать Ана вместо Анна, каса вместо касса и т. д., но совещание признало это мероприятие нецелесообразным. Таким образом, двойные **согласные в корнях слов остаются**.

Приставки **из, воз, низ, раз, без, чрез** — всегда пишутся с буквой **з**. Окончания прилагательных **ого, его** заменяются на **ово, ево**. Окончания прилагательных мужского рода следует писать **ој, еј** (красној, доброј). Окончания прилагательных **ые, ие**, заменяются — **ьи, иі** (добрыі, синіі).

В сложных названиях (Всесоюзный центральный исполнительный комитет) с большой буквы пишется только первое слово.

Устанавливается свободный перенос слов (с-овет).

По вопросу пунктуации совещание приняло подробный свод

правил, во многом совпадающий с существующими правилами. Наиболее существенное изменение — это сокращение случаев употребления запятой (например, между предложениями, соединенными сочинительными союзами).

В вопросе о **транскрипции иностранных слов** проект кладет в **основу принцип передачи произношения** слова (в особенности фамилий), а не написания.

Французские носовые звуки передаются буквой **н** и (перед губными согласными) буквой **м**. Немецкое **h** — буквой **х**, дифтонг **ei** — **ай**. Исключение делается для тех фамилий, которые давно и прочно вошли в русский язык в другой транскрипции, например, **Гейне, Гауптман** должны писаться по-прежнему, а не **Хаине, Хауптман**, как это следовало бы по новым правилам.

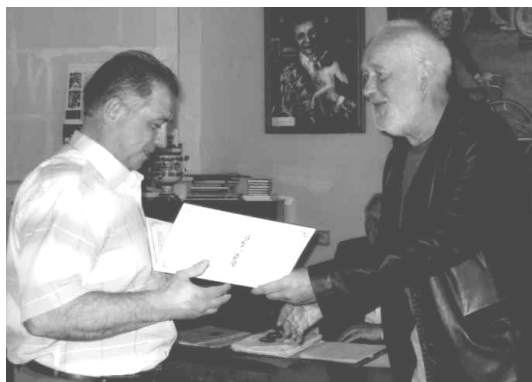
Принятый Всесоюзным совещанием проект реформы орфографии, пунктуации и транскрипции **передается на утверждение коллегии наркомпроса, а затем Совнаркома.**

В. Г.

Источник. 1994. № 5. С. 101—102. Ал РФ. Ф. 3. Оп. 33. Д. 15. Л. 59—60.

АКТУАЛЬНОЕ ИНТЕРВЬЮ
*К 5-летию юбилею журнала «Приокские зори»**

В начале июня этого года в каминном зале Тульского дома творчества в начале общего собрания Тульского регионального отделения Союза писателей России чествовали первых лауреатов ежегодной литературной премии «Левша» имени Н. С. Лескова за лучшую публикацию в межрегиональном литературно-художественном и публицистическом журнале «Приокские зори». Звания лауреата удостоены: Геннадий Маркин — в жанре прозы, Александр Ореховский — поэзии, Николай Боев — литературоведения и литературной критики и Евгений Воропаев — по разделу публицистики. Награждение лауреатов дипломами совпало со знаменательным событием — в нынешнем году журнал «Приокские зори» отмечает свой пятилетний юбилей. О нем неоднократно писали главные литературные издания страны: «Литературная газета», «Российский писатель», альманах «Московский Парнас» и другие издания.

О сегодняшнем дне журнала, о его прошлом и будущем, об авторах и, конечно же, о литературной премии «Левша» имени Николая Лескова я попросил рассказать писателя, лауреата лите-

* На фото: главный редактор «Приокских зорь» Алексей Яшин вручает Геннадию Маркину диплом лауреата премии «Левша» им. Н. С. Лескова. Интервью взято Геннадием Маркиным.

ратурных премий имени Л. Н. Толстого, Валентина Пикуля и Александра Фадеева, лауреата Литературного агентства «Московский Парнас», кавалера памятных медалей «100 лет со дня рождения Михаила Шолохова» и «100 лет со дня рождения Мусы Джалиля», Заслуженного деятеля науки РФ, доктора технических наук, доктора биологических наук, Почетного радиста России, профессора, заместителя заведующего кафедрой Медицинского института Тульского госуниверситета, главного редактора «Приокских зорь» Алексея Яшина.

— Алексей Афанасьевич, во-первых, разрешите Вас поздравить с пятилетним юбилеем журнала, который будет отмечаться в этом году. Появление таких изданий, каким является журнал «Приокские зори», дает надежду на улучшение положения дел в отечественной литературе. Расскажите, пожалуйста, о прошлом и настоящем журнала, а также поделитесь планами на будущее.

Спасибо. От себя, конечно, от редколлегии и многочисленных читателей, ибо «Приокские зори» де-факто уже стали явлением всероссийского порядка. Или значения; кому как нравится. Вот и «Литературная газета» поздравила нас на своих страницах с «микроюбилеем». Но в наше «динамичное и энергичное время», как некогда говаривал первый президент России, и на год-то вперед трудно загадывать. Так что — все же юбилей!

Журнал возник не на «пустом» месте, имеет своих предшественников: издававшийся в 50—60-х гг. альманах «Тула литературная», в котором, кстати говоря, появились первые публикации ныне старейшей писательницы России Наталии Диомидовны Парыгиной, недавно встретившей свое 85-летие (см. в «ПЗ» № 2, 2009) и так же ставшей лауреатом «Левши» за № 1; в конце 80 — начале 90-х гг. выходил журнал «Ясная Поляна», так называемого «комсомольского формата». В 90-е же годы были попытки издания различных альманахов, из которых по сию пору «устояли» «Тула» и «НЛО» г. Новомосковск; главные редакторы, соответственно, Сергей Галкин и Валентин Киреев).

Но — подчеркнем: «Приокские зори» являются первым и единственным в Тульском регионе «толстым» литературно-публи-

цистическим журналом, в полной мере продолжающим традиции русской и советской литературной периодики, восходящие к «Современнику» Пушкина и «Отечественным запискам» Некрасова.

И еще один существенный момент: наш журнал выходит строго периодически, без пропусков и сдваивания номеров, чем грешат сейчас (не по своей, конечно, воле) многие всероссийские журналы с многодесятилетней родословной издания.

Итак, прошлое журнала — в его предыстории, а контуры будущего явно прослеживаются в настоящем, в тех полутора десятках уже вышедших в 2005—09 гг. номеров. Опять же обращаясь к самому выдающемуся организатору русской литературной журналистики XIX века Н. А. Некрасову, давшему вторую жизнь пушкинскому «Современнику», а через «Отечественные записки» открывшему для России и всего мира почти всех великих наших писателей «золотого века» русской литературы, скажем: и сейчас успешность издания журнала, а значит и его будущее состоятся в том случае, если гармонично сочетаются три главнейших фактора: а) удачно подобранная, работающая «за совесть» редколлегия; б) оценка авторов не по литературным чинам и званиям, но исключительно по их талантам и способностям; в) отсутствие в редакционной политике тенденциозности, чем, кстати говоря, сейчас грешат (но уже «по своей вине») многие столичные «толстые» журналы — имя рек, но называть не будем.

...И это все, а если в стране еще остаются читающие что-то, кроме глянцевого журнальчика и собственных чековых книжек — на сон грядущий, то не преминут взять такое издание в руки. И мы на это надеемся.

Чтобы не растекаться мыслью по древу, отвечая еще на первый вопрос интервьюера, отметим: с самого начала издания «Приокских зорь» мы *программно* отказались от сугубого провинциализма журнала. Нет, конечно, он был, есть и будет изданием тульских корней; даже арифметически, что называется, мы этого придерживаемся: до 50 % объема каждого номера так или иначе связано с Тульским краем. Но в то же время в журнале широко представлена вся палитра общероссийской литературной жизни. И вновь учрежденная премия «Левша» нами продекларирована как всероссийская.

...Как нам представляется, именно такая структура, организация «толстого» журнала, издаваемого не в столицах, является оптимальной и позволяет сделать его явлением русской, российской современной литературы.

— В каждом номере журнала на суд читателей представляются работы свыше тридцати авторов. Расскажите, как происходит отбор произведений? Кто может стать автором журнала?

А вот на этот вопрос мы уже частично ответили выше в пункте б), говоря о главных факторах успешности издания. «Цеховой» принцип у нас неприемлем, в смысле — принадлежность к Союзу писателей России не является обязательным пропуском в журнал. Действительно, и в редколлегии далеко не все члены Союза, не говоря уже об авторах. Показательно, что среди первых пяти лауреатов «Левши» профессиональных писателей только двое: Н. Д. Парыгина и Н. И. Боев. Смешно сказать, но мне, как главному редактору, одновременно «отвечающему» за прозу в журнале, порой приходится, составляя аннотацию к одобренному произведению не тульского (своих-то знаю) автора, справляться: член ли он Союза или «не профи»?

...И, конечно, никакой дискриминации по географическому признаку: в журнале представлены многие города страны от Северной столицы до Красноярска и Сочи, печатаются авторы из Германии, Англии, Китая, Монголии, Италии: «Все флаги в гости к нам».

Повторимся: главное здесь мерило: талант, качество, литературная актуальность. Есть и одна поблажка: зазываем молодых и юных авторов. Им становится продолжателями непрерываемой даже в самые трудные времена цепи великой русской литературы.

— В наше сегодняшнее непростое время, наверное, большинство главных редакторов различных изданий, заботясь о том, чтобы их детище увидело свет, подчас становятся больше не творческими людьми, а хозяйственниками. Скажите, пожалуйста, а с какими трудностями при издании журнала приходится сталкиваться Вам? Оказывает ли Вам, как главному редактору журнала, кто-либо помощь, и от кого Вы желали бы помощи дожидаться?

Несколько «разочарую» вас: хозяйственником не стал и не стану, а само по себе издание литературного журнала суть творческая работа. Ибо журнал — опять же в творческой традиции от Пушкина, Некрасова, ближе к нам — Твардовского («Новый мир») и Зубавина («Наш современник») — не есть нечто похожее на альманах или юбилейный сборник даже по виду. Каждый номер «толстого» литературного журнала суть законченное коллективное произведение со своей фабулой и композицией.

А технические трудности (это которые «хозяйственные»), да еще в наше «динамичное», повторимся, время? Так если на них задикиваться, то и вовсе ничего не предпринимать. Но ведь скучно, когда народу, не имеющему чековых книжек, нечего читать из современного? Если же серьезно, то, как это и положено негласно, всю работу по подготовке номеров к тиражированию, включая изготовление оригинала-макета для типографии, делает ваш покорный слуга. Это мне вовсе не в тягость, несмотря на занятость активной научной работой и преподаванием в вузе. Как человек военноморского воспитания и академик Академии военных наук, умею так составить «диспозицию», что все успеваю и даже имею массу свободного времени для личного писательского творчества.

Еще большое спасибо моим, увы, только трем помощникам: ответственному секретарю журнала Геннадию Маркину, который приводит в божеский, то есть годный для последующей верстки, вид часть материалов местных авторов, и члену редколлегии, зав. отделом поэзии Владимиру Резцову, который «и в поле жнец, и на дуде игрец», то есть он же корректор, он же и редактор, в том числе редактор поэзии (а это самое трудное в этом деле). А зная много языков, в том числе японский и китайский, делает для журнала переводы зарубежной классической и современной поэзии. Также член редколлегии Олег Пантюхин оказывает неоценимую помощь в печати журнала. Так что — все на сугубо общественных началах, все от души и увлеченности. Не скрою (хотя и не жалею): все что «до типографии» и что требует оплаты — из своей «гигантской» профессорской зарплаты, узнавая размер которой, мои зарубежные научные коллеги сочувствуют: «Да-а, маловато, конечно». (Наивные, они почему-то эту цифру оценивают в долларах-еврах...).

Спасибо зам. директора Мединститута В. А. Хромушину, который «дает», то есть технически готовит очередные номера журнала для сайта Интернета. Хороший подарок недавно нам сделал Валерий Иванович Ксенофонтов, главный редактор ИПО «Лев Толстой», оформив журналу госрегистрацию.

Но кому самый низкий поклон — так это ректору Тульского государственного университета Михаилу Васильевичу Грязеву. Именно издательство (типография) ТулГУ печатает «Приокские зори». Если не ошибаюсь, ТулГУ — единственный в стране вуз, попечительством которого издается «толстый» литературный журнал.

Хотели бы дождаться помощи, как то принято во всех областях и городах России, где издаются литературные журналы, от нашей областной администрации. Четыре года регулярно с ней переписываюсь; сейчас аккуратно подшиваю «входящие-исходящие» уже в третий том переписки. Вроде как что-то обещали по части Областной культурной программы с 2011-го года. Но ведь сейчас все принято валить на «мировой кризис империализма»?

— В 2008 году была утверждена литературная премия «Левша» имени Николая Лескова, первыми лауреатами которой за лучшую публикацию в журнале стали прозаик Геннадий Маркин, поэт Александр Ореховский, публицист Евгений Воропаев и литературный критик и поэт Николай Боев. Скажите, как происходит присуждение звания лауреата, и почему премия носит имя Лескова?

Приятный вопрос. Сам собой горжусь — это по части учреждения премии. Это, как говорится, не от избытка чувств, не «архитектурное излишество», но нормальный, самодостаточный ход в популяризации журнала, в поднятии его литературно-общественного реноме.

Почему Лесков? Во-первых, хотя он орловец, но его Левша давно стал символом Тулы; во-вторых и главных — он выдающийся русский писатель, особенно рассказчик. Тот же факт, что в официальном литературоведении и до, и после 1917-го года его старались «затолкнуть» в писатели второго ряда, объясняется просто: он не пел под дудку групповщине своего времени, то есть либералам второй половины XIX века, а шел своим художественным

путем. Не раз его «подставляли» собратья по перу, а главное — он написал два блестящих антинигилистических романа «На ножках» и «Некуда», за что и был проклят либералами царской России и пролеткультовцами СССР.

Главное же — мы во многом следуем художественным традициям Николая Семеновича, ибо нигилизм в литературе — от «сбросим Пушкина с корабля истории» до извращенческих опусов современной «элитарной» литературы-пиара (точнее — рукоблудия) — есть духовная импотенция, вырожденчество. Нам с ними не по пути.

...Сам же выбор номинантов на премию — см. публикуемые в каждом номере журнала в рубрике «Хроника литературной жизни» условия выдвижения. Каждый автор и читатель журнала может высказать свое мнение, которое редколлегия *честно и обязательно* учит.

— *Алексей Афанасьевич, Вы не только главный редактор журнала, но и активно работающий писатель, автор 17 книг. В одной из них, «2007 — Штиль», в предисловии от автора Вы задаетесь вопросом, цитирую: «Жить ли дальше и развиваться русской литературе, или пародия на нее трансформируется в забаву элиты». Как Вы оцениваете сегодняшнее состояние отечественной литературы?*

Сегодняшнее состояние отечественной, русской прежде всего, литературы ужасное... но и оптимистичное. Лишившись полностью господдержки — даже не в смысле финансов, литература сама себя всегда в этом деле оправдывала при наличии миллионов читателей, — но именно в части всякого интереса этой госвласти всех уровней, и приобретающего равнодушного к истинной культуре «властителя дум» в лице зомбирующих СМИ, прежде всего телевизора, литература в одночасье потеряла 99,9 % своих прежних читателей и почитателей. Это-то и ужасно. Но, с другой стороны, современная литература начала активно прирастать провинцией. Да и столицы не отстают в части новых, талантливых имен. А это главное условие сохранения преемственности и традиций. Ведь было уже в Новейшей истории России — СССР время конца 10-х — начала 20-х годов XX века в чем-то схожее? Сколько выдающихся даро-

ваний оно привнесло в отечественную литературу, хотя народу тогда читать (как и сейчас, но по другой причине) было некогда. Но — прошло время, «братишки» сняли с бушлатов пулеметные ленты, позаканчивали рабфаки и сделали СССР истинно самой читающей страной мира! Будем и мы оптимистичны.

— *Алексей Афанасьевич, Вы профессор, заместитель заведующего кафедрой Медицинского института Тульского государственного университета. Скажите, как Вы оцениваете образовательный уровень сегодняшних студентов, вчерашних выпускников школ? Соответствуют ли их знания современным требованиям, предъявляемым абитуриентам при поступлении в ВУЗ?*

Уточним: оценивать — это подразумевать *a priori* ту или иную степень какого-то, рассматриваемого качества. В данном случае эта система не срабатывает. И это не обычное ворчание по принципу «отцы-дети». Тургенев здесь тоже «не срабатывает». Ибо здесь преемственность полностью — и искусственно — разрушена. Даже не хочется говорить... Насильственно (а кем?) насаждаемый «болонский процесс» (что не делает чести старейшему университету Европы) породил полный переход от понятийной к тестовой системе. А последняя делает человека *функционально безграмотным*, то есть он понимает смысл отдельных слов и словосочетаний, но не способен воспринять смысл всего текста, то есть не способен мыслить. Бедные наши дети! Не их вина, но надо и понимать: на какую муку мученическую обречены «преподы», как их уничижительно именуют современные школяры и студюзусы? Давайте к следующему вопросу, а то рука «препода» невольно тянется к брючному ремню. Не для студентов-бедолаг, конечно...

— *Алексей Афанасьевич, Вы лауреат литературных премий имени Л. Н. Толстого, Валентина Пикуля и Александра Фадеева с вручением Золотых медалей, лауреат Литературного агентства «Московский Парнас», награждены памятным медалями «100 лет со дня рождения Михаила Шолохова» и «100 лет со дня рождения Мусы Джалиля». А также Вы заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор технических наук, доктор биологических наук, имеете два ученых звания профессора. Скажите, пожалуйста, чем отличается Яшин-писатель*

от Яшина-ученого? Не происходит ли в Вас самом внутренний спор между Вами — «физиком» и Вами — «лириком»?

Я — амбидекстр; так и назвал свои воспоминания о годах учебы в Литинституте им. А. М. Горького в двухтомнике, изданном к 75-летию нашей *alma mater*. Кстати, ректорат Литинститута наградил меня соответствующей юбилейной медалью. Амбидекстр — это биологический термин, означает человека, у которого одинаково (хорошо или нехорошо — это роли не играет) работают правое и левое полушария головного мозга: а левое «отвечает» за логику, научное мышления, правое же — за всякие искусства и искусства. Литературу тож. Поэтому внутреннего спора у меня нет. Наоборот, что-то вроде взаимопомощи. Это как у моего младшего брата; он тоже амбидекстр, более того: переученный, но не до конца, левша. А поскольку он художник-живописец, а рисовать красками долго и утомительно, то когда у него устает правая рука, он перекладывает кисть в левую, ибо обеими владеет одинаково. Судя по его картинам — одинаково хорошо.

Так и ваш покорный слуга. Вот сейчас работаю над двухтомником «Феноменология ноосферы», где, скромно замечу, развиваю соответствующее учение о биосфере и ноосфере Земли нашего великого соотечественника Владимира Ивановича Вернадского — естественно, с учетом современного знания в этом вопросе.

Когда чувствую, что «застрял» на формулировке базовой теоремы пятой главы второго тома, то перехожу к части литературной: пишу очередную главу нового романа или повести.

— *Памятуя о том, что вначале все-таки было Слово, мне хочется вернуться к делам литературным. Скажите, если это не секрет, над чем сегодня работает писатель Алексей Яшин?*

Только что и сказал: на днях в издательстве «Московский Парнас» (Москва) выйдет новый роман «Любовь новоюрского периода», который это издательство думает «замахнуть» на премию «Русский Букер'2009». ...И приступил к второй части довольно большой повести «Страна холода: Детство в Гипербореях» — это литературно-биографическая о полярном детстве шестилетнего Николки, моего постоянного, авторизованного героя Николая Андреевича. Поэтому и подзаголовок повести: «Четвертая

книга рассказов Николая Андреевича». ...А недавно изданная книга «Живописный паноптикум» была в этом году представлена на самую престижную в России Бунинскую премию и вошла в «короткий список» реальных претендентов. Увы, лавры достались Александру Проханову, главному редактору газеты «Завтра». С чем его и поздравляю.

— *Алексей Афанасьевич, что бы Вы пожелали авторам и читателям журнала «Приокские зори»?*

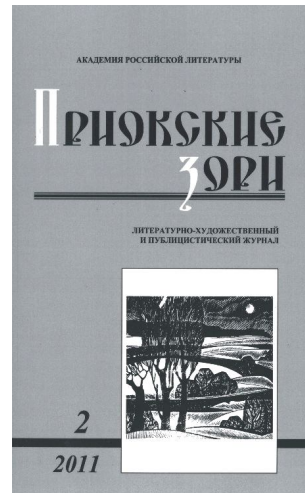
Любви ко всем и всему, исключая: деньги (в любой валюте), стяжательство-потребительство, хамство и высокомерие, самовластие и себялюбие, нуворишество-*нюворишество*, СМИ в современной их ипостаси и, конечно же, ЕГЭ. Это как «препод из универа» говорю.

...И читайте «Приокские зори», ибо они сеют разумное, доброе, вечное! Еще перечитайте «Очарованного странника» Н. С. Лескова.

ДЕСЯТЬ ВОПРОСОВ ГЛАВНОМУ РЕДАКТОРУ

Корреспондент тульского радио
Виктор Щеглов взял интервью
у главного редактора нашего журнала.

В. Щ. Сегодня в нашей традиционной (утренней?) рубрике мы встречаемся с человеком, хорошо известном в научных, университетских и литературных кругах, но имя которого практически не на слуху у так именуемой «широкой общественности». Сам наш сегодняшний гость объясняет это просто: «Я человек не публичный, а труженик тихого кабинета, биофизической лаборатории, куда «посторонним вход строго запрещен», и вечернего домашнего письменного стола». Согласитесь, в наше время всеобщего пиара такая жизненная позиция и позволяет нам, средствам массовой информации, порой открывать для широкой публики наличие среди нас в высшей степени неординарных людей...

Итак, сегодня мы беседуем у микрофона с Алексеем Афанасьевичем Яшиным, воспитанником, как он любит говорить, Краснознаменного Северного флота. Хотя бы из своих шестидесяти лет больше половины он живет в Туле.

Его бытие, или статус кво, как визитная карточка с текстовкой на обеих сторонах. Смотрим на одну сторону и испытываем легкую оторопь. Есть от чего: ученый-биофизик с мировой известностью, создатель и руководитель известной далеко за пределами России Научной школы с интригующим названием «Биофизика полей и излучений и биоинформатика», в рамках работы которой им подго-

товлено 10 докторов и 20 кандидатов технических, физико-математических, биологических и медицинских наук. Заслуженный деятель науки Российской Федерации, Почетный радист России, доктор технических наук и доктор биологических наук — в таком сочетании ученых степеней Алексей Афанасьевич единственный в мире... Имеет два ученых звания профессора, академик десятка российских, иностранных и международных академий, Почетный член Международного биографического центра в английском Кембридже. Награжден академическими медалями имени Альфреда Нобеля, Вернадского, Вавилова, Павлова, Боткина, Сеченова... Какие имена! И какие труды и открытия профессора и академика Яшина стоят за ними? Недаром научная биография моего собеседника опубликована в двух десятках солидных энциклопедий России, США, Англии, Испании, Швейцарии и других стран.

...Впрочем, научная деятельность Алексея Афанасьевича — это тема возможной отдельной, даже не одной, беседы с ним на нашем радио. Ближе к теме сегодняшней беседы — вторая сторона условной «визитной карточки» нашего гостя. Она не менее впечатляюща: член Союза писателей СССР и России, вице-президент и член Правления Академии российской литературы, лауреат всероссийских и международных литературных премий имени Толстого, Чехова, Грибоедова, Маяковского, Александра Фадеева, Валентина Пикуля, «Московского Парнаса». Академик Петровской академии наук и искусств. Награжден рядом литературных медалей и высшим писательским орденом «Владимир Маяковский». И — главный редактор, основатель всероссийского «толстого» литературно-художественного и публицистического журнала «Приокские зори» — тема нашей сегодняшней беседы. Начнем с вводных вопросов.

Алексей Афанасьевич, Вы активно служите двум музам: науки и литературы. Соответствует ли это Вашим базовым образованиям и Вашим предыдущим и нынешнему месту работы?

А. Я. Вы, Виктор Васильевич, прекрасно помните, что в советское время человек получал столько высших образований — разумеется, бесплатно, — сколько ему требовалось. Не столько для самоутверждения, сколько для реализации сложившейся у него установки основного занятия в жизни. А таковым занятием являлся

труд. И чем этот труд планировался более творческим, тем большие базовые познания человеку требовались.

После окончания средней школы в мурманском Заполярье и переезда семьи в Тулу я учился в Тульском политехническом институте, ныне ТулГУ, который и окончил по радиоинженерной специальности. Спустя три года, работая инженером-исследователем, решил повысить свою математическую квалификацию, поступил на заочное отделение математико-механического факультета Ленинградского университета. Затем посетила литературная муза — снова заочная учеба и окончание в 1981 году Литературного института им А. М. Горького Союза писателей СССР. Учился на отделении художественной прозы в семинаре патриарха советской литературы Бориса Михайловича Зубавина. Кстати, первого главного редактора «Нашего современника».

Вот такой оказалась моя базово-образовательная установка. Ни одно из этих образований не оказалось ненужным. Совсем наоборот. Литературный институт дал «путевку в жизнь» как писателю-прозаику. А радиотехника и математика — это две ипостаси моей научной жизни по сию пору.

Двадцать лет, до начала 90-х годов трудился по радиотехнической и радиофизической специализации в конструкторских бюро оборонного профиля. Затем почти полтора десятка лет являлся первым заместителем — заместителем по науке Государственного НИИ новых медицинских технологий. После его ликвидации — причина стандартная: отсутствие любого финансирования — профессор, зам. зав. кафедрой теоретической медицины Медицинского института Тульского государственного университета.

Ничего удивительного в переходе от оборонной техники к медицине нет: в первом случае занимался радиофизикой, во втором — биофизикой. Там — железо, здесь — живые организмы. Но у радиофизики и биофизики научная основа одна и та же: радиотехника, физика и математика.

В. Щ. Как Вам удастся сочетать науку и литературу, не мешаят ли одно другому?

А. Я. Есть такое понятие в биологии и нормальной физиологии: амбидекстр. Это человек, у которого игрой природы в одина-

ковой степени и достаточно хорошо развиты оба полушария головного мозга: левое, «отвечающее» за логику мышления, то есть за научный потенциал, и правое, что «отвечает» за всевозможные художественные творчества. У подавляющей же массы людей от природы имеется асимметрия в развитии полушарий. Но и амбидекстры не такая уж редкость в среде личностей, но преимущественно творческих личностей.

Здесь же ответ на вопрос: «Не мешает ли здесь одно другому?» — Нет, не только не мешает, но одно другое подпитывает. Как это ни странно на первый взгляд.

В. Щ. Теперь многое разъяснилось. А теперь перейдем собственно к журналу «Приокские зори» — уникальному явлению: ведь в истории Тулы и Тульского края, считая и предыдущие два века русской литературы, это первый полноформатный, «толстый», как принято говорить в писательских кругах, строго регулярно выходящий литературно-художественный и публицистический журнал. Правда, в начале 90-х годов уже прошлого века непродолжительное время издавался журнал «Ясная Поляна» так называемого «комсомольского формата»... Как, когда и почему возникла мысль издавать в Туле «Приокские зори»? И почему журнал получил такое название?

А. Я. Начну со второго вопроса. На него легче ответить. Мы, в Тульской области, живем именно «при Оке», ибо граница области на западе и на севере проходит именно по Оке. Также «при Оке» и все соседние области — ареал интересов журнала. Отсюда и название журнала. Зори же — принятый символ вечного возрождения русской литературы. Кстати, имевший место быть на рубеже 50—60-х годов с центром в Туле совнархоз также назывался Приокским...

А мысль, то есть идея создания журнала? — Еще античные философы определяли идею как нечто, имеющее предопределение сбыться. Значит и Туле нужен был журнал. Мысль же сформулировалась во время прогулки по парку с Николаем Николаевичем Минаковым, человеком хорошо известным в городе, главным редактором «Тульского литератора», нашей минилитературки. Он — воистину литературный просветитель Тулы. И вы, работники ра-

дио, должны хорошо его помнить по прежним временам, когда Николай Николаевич заведовал в обкоме КПСС сектором печати, радио и телевидения. Добрая его слава идет еще с тех времен.

В. Щ. Каков статус журнала, какова программная цель его издания?

А. Я. Журнал начался в 2005-м году как областной. Скоро его статус вырос до межрегионального, а потом до всероссийского. С прошлого года, с введением постоянной рубрики «Русское литературное Зарубежье», мы вплотную приблизились к международному статусу.

Программная цель издания: высокопрофессиональный, но не элитный, литературный журнал, продолжающий лучшие традиции русской и советской литературной периодики, прежде всего «Современника» А. С. Пушкина, возрожденного Н. А. Некрасовым того же «Современника», но главное — некрасовских «Отечественных записок». «Приокские зори» — журнал, открытый для всех писателей и литераторов, независимо от наличия или отсутствия «литературных имен». Главное мерило для публикаций — наличие способностей и таланта. Это журнал русской литературы, патристический (но не квасной!), интернациональный в прежнем, советском понимании этого определения.

Так сказать, инфраструктура журнала включает в себя продолжающуюся серию авторских книг: «Библиотека журнала «Приокские зори». А с этого года выходит и серия «Приложение к журналу «Приокские зори». В этих сериях уже изданы полсотни книг авторов из Тулы и из других регионов России.

В. Щ. Да? Всероссийский и даже отчасти международный литературный журнал издается в Туле? Извиняюсь за, так сказать, технический вопрос. Но время сейчас сугубо меркантильное. Даже самые благие, добрые дела упираются в деньги, деньги и еще раз деньги. Я так понимаю, что столь грандиозное дело, как издание «толстого» литературного журнала объемом 300 страниц, вряд ли возможно без финансовой и иной материальной помощи областных и городских государственных органов, учреждений, общественных организаций, меценатов, или как сейчас чаще говорят, спонсоров?

А. Я. Вашими устами, Виктор Васильевич, да мед бы пить! Никто нам ничего не дает да и похоже давать и далее не собирается. Такой вот момент: наш автор из Израиля Ефим Аронович Гаммер, как и Вы, ведущий на русскоязычном радио «Голос Израиля» в Иерусалиме, кстати, транслируемого на весь мир, недавно провел передачу, посвященную «Приокским зорям». В заключении ее совершенно серьезно сказал, что «Приокские зори» достойны включения в книгу рекордов Гиннеса, как единственный в России «толстый» литературный журнал, не имеющий никакой материальной, организационной и моральной поддержки от структур города!

У меня в кабинете лежит толстенная папка с многолетней перепиской с администрацией области, департаментом культуры и облдумой. Везде удивительно однообразный ответ: денег нет и не будет!

Сейчас у нас новая администрация, а у меня имеется еще пустая папка для новой переписки... Приходится вот просить. Хотя по своему военно-морскому воспитанию придерживаюсь девиза: «Никого не бойся, ни у кого не проси, верь только командиру». Но что не сделаешь для общепольного дела?

Меценатов сейчас в природе нет, да и были они в России только в XIX веке: купцы-старообрядцы. Из них и вышли Третьяковы, Мамонтовы, Морозовы. Сейчас — эпоха людоедской алчности.

У общественных организаций денег нет, Тульское отделение Союза писателей России хоть что-то получало при Севрюгине и Стародубцеве. Дальше — все отрезало.

Единственный, кто нас выручает — это Тульский государственный университет — попечитель нашего журнала, — его руководство и, особенно, ректор Михаил Васильевич Грязев, которые хорошо понимают назначение журнала и важность его издания. Низкий им поклон! Кстати, «Приокские зори» — единственный в России, а может и в мире, «толстый» литературный журнал, который издается университетом. Кстати, журнал имеет госрегистрацию.

Но ТулГУ печатает тираж с готового оригинал-макета. Вся же остальная, самая сложная, работа — на плечах главного редактора

и его верных сподвижников из числа членов редколлегии: ответственного секретаря Геннадия Маркина, зав. отделом поэзии Владимира Резцова, секретаря редакции Марины Баланюк, технического редактора Якова Шафрана. Все, разумеется, на общественных началах. Но есть работы, например, верстка журнала, за которые надо платить. Плачу из своего кармана. Кстати, зарплата провинциального профессора — за вычетом налогов — составляет 15 тысяч рублей. Дворник-гастарбайтер из Узбекистана Алишер в моем дворе получает больше...

...Как раньше пели на деревенских посиделках: «Интересно девки пляшут».

В. Щ. Нд-а-а! Печально и удивительно. Может, наша новая администрация области, да и городская тоже новая, обратится лицом к «Приокским зорям», которые являются всероссийской, так сказать, визитной карточкой Тулы литературной, Тулы культурной. А вы, Алексей Афанасьевич, уже опытный главный редактор, как себе представляете реальную организацию помощи администрации, прежде всего областной, в продолжении издания журнала на более высоком уровне организации этого процесса?

А. Я. Приведу пример старейшего советского, ныне российского журнала «Подъем» из Воронежа. Этот журнал хорошо знаю, недавно напечатал в нем свой роман и повесть. Этот журнал имеет статус «Государственное учреждение культуры (ГУК) журнал «Подъем», подчиняющийся департаменту культуры Воронежской области. Издается 12 номеров в год, имеется целый этаж здания, полный штат редакции.

И это при всем при том, что тираж «Подъема» всего лишь в 2 раза больше тиража «Приокских зорь», а экономика Воронежа, ранее, как и Тулы, ориентированная на военно-промышленный комплекс, также переживает далеко не лучшие времена...

В. Щ. Понятно. Каков состав редколлегии журнала? Кто в нем печатается? Есть ли постоянные рубрики журнала?

А. Я. Состав редколлегии журнала отвечает его всероссийскому статусу. В нее входят наиболее известные писатели Тулы и области: Виктор Пахомов, Наталия Диомидовна Парыгина, Вячеслав Боть, Виктор Греков. В редколлегию входят — и вовсе не фор-

мально — председатель правления Союза писателей России Валерий Ганичев, проректор Литинститута по Высшим литературным курсам Валентин Сорокин, президент и вице-президент Академии российской литературы Владимир Мирнев и Леонид Ханбеков.

Входят известные писатели и поэты из Красноярска, Коломны, Москвы. Представлены города Тульской области: Новомосковск, Щекино, Плавск. Тульский госуниверситет представлен членами Союза писателей России, профессорами Владимиром Сапожниковым, Александром Хадарцевым, Вашим покорным слугой, а также уже упоминавшимися выше Владимиром Резцовым и Яковом Шафраном.

В каждом номере мы публикуем порядка 30 авторов: хорошо известных в стране и талантливых, но еще не вошедших в большую литературу. У нас печатаются такие известные писатели как киносценарист Тимур Зульфикаров, народный артист СССР Лев Дуров, упомянутые выше Валерий Ганичев, Валентин Сорокин, Владимир Мирнев, Леонид Ханбеков. И многие, многие другие.

Журнал, в отличие от сборника и альманаха, суть коллективное литературное произведение. Поэтому в нем наличествуют постоянные рубрики прозы, поэзии, публицистики, литературоведения, хроники литературной жизни. Есть рубрики Литературного института, современных сибирских и зарубежных писателей. Большим вниманием читателей пользуется рубрика «Православие в наших душах».

В. Ц. Ваш журнал не только литературно-художественный, но и публицистический. Понятно, что и публицистика более ориентирована на литературу, нежели на политику, экономику, социологию и так далее. Я правильно это понимаю?

А. Я. Совершенно верно. С публицистическими материалами, относящимися к литературе, выступают и многие авторитетные, известные люди. Например, очень известный в мире депутат Европарламента Джульетто Кьеза, лидеры думских фракций Геннадий Зюганов и Владимир Жириновский, бывший тульский губернатор Вячеслав Дудка. Фракции ЕР и СР в Госдуме пока не откликаются на наше предложение выступить на страницах журнала. Оно понятно — там люди архизанятые.

В. Ц. Алексей Афанасьевич! Как Вы с горечью сказали, что тульские власти, да и общественные организации — каждые по своим причинам — относятся к «Приокским зорям» по принципу: выходит журнал как-то сам собой, ну и пусть выходит. Нам от этого ни жарко, ни холодно. Значит, людям, то есть редколлегии и редакции, это нравится. Значит люди они увлеченные. А раз увлеченные, то и получают от этого удовольствие, что есть для них высшая награда. А как относятся к журналу за пределами Тулы, так сказать, в столицах и университетских центрах?

А. Я. Замечательно относятся. Мои московские коллеги-профессора отмечают: «Приокские зори» в столице знают и люди, далекие от литературы. И вообще московские литераторы и активные читатели не раз мне говорили: из «толстых» журналов в Москве читают, по-преимуществу, «Наш современник», «Московский Парнас» и... «Приокские зори».

Вот власти и, так сказать, общественность Тулы никак не прореагировала на 5-летие издания журнала, а Союз писателей России отметил: недавно группе активных членов редколлегии (их имена я назвал выше) были вручены престижные медали Союза писателей, а Ваш покорный слуга был удостоен высшей писательской награды — ордена «Владимир Маяковский».

Опять же недавно получил известие, что Союз писателей имеет намерение наградить журнал как юридическое лицо орденом «Гавриил Державин», а Некрасовский комитет Союза писателей — Некрасовской медалью. Так что вполне возможно, скоро «Приокские зори» будут выходить с абрисами ордена и медали на обложке. Кстати, мы будем единственным журналом, который за последнюю четверть века получит награды...

В. Ц. Заключительный вопрос: чем сейчас занят Яшин-ученый и Яшин-писатель?

А. Я. Яшин-ученый завершает 9-томную серию монографий «Живая материя и феноменология ноосферы» (8 книг уже изданы в Москве) — дальнейшее развитие — с позиций современного знания эволюционной теории, идущей от Ламарка и Дарвина, а главное — теории В. И. Вернадского о ноосфере, в которую наша планета уже активно вступает.

А Яшин-писатель недавно издал роман-размышление «Катехизис идеалиста», роман о И. В. Сталине. В московском издательстве. Книга вызвала в Москве, Туле и вообще в стране широкий читательский резонанс.

Скоро сдам в печать новый роман «Сны и явь полковника Хмурова». Тема — современная высшая школа, состояние и тенденции которой весьма многих тревожат.

Верстается роман «Предчувствие» и пишется роман «Квадратная пустота». Их содержание — пока фигура умолчания.

Последние 3—4 года я печатаю свои книги в московском издательстве. Как правило, все они отмечаются всероссийскими и международными литературными премиями.

В. Ц. Спасибо за содержательную беседу. Думаю, мы еще не раз встретимся у микрофона тульского радио, поговорим о ваших идеях в науке, Ваших книгах.

